

Жорж Сименон

Мегрэ и человек на скамейке

<http://book.zehinli.info>

Глава 1

ЖЕЛТЫЕ БАШМАКИ

Для Мегрэ девятнадцатое ноября было памятным, и вот почему: этот день совпадал с именинами брата. Вдобавок был понедельник, а на Орфевр создалось впечатление, что по понедельникам убийств почти не бывает.

Всю неделю накрапывал холодный и нудный дождик.

Желтоватая мгла, казалось, проникала сквозь малейшие щели в окнах.

Днем распогодилось. По крайней мере, не моросило, хотя тротуары по-прежнему были мокрыми и становились все грязнее. Потом, ближе к четырем часам, перед самыми сумерками, все та же, что и утром, мгла поднялась над Парижем, скрадывая свет фонарей и витрин.

Когда зазвонил телефон, в бюро не было ни Люка, ни Жанвье и ни Лапуэнта. Ответил корсиканец Сантони, новичок в бригаде. Перед этим он десять лет работал в команде, наблюдавшей за игорными домами, а позже - в полиции нравов.

- Это инспектор Неве из III округа, месье. Тут очень важное дело.

Мегрэ схватил трубку:

- Что нового, голубчик?

- Докладываю из ресторана на бульваре Сен-Мартен.

Найден мужчина, убитый ножом.

- На бульваре?

- Нет. Рядом, в глухом переулке. Дело мне кажется интересным, - добавил Неве. - Лучше, если вы сами сюда приедете. Я нахожусь между большим ювелирным магазином и лавкой искусственных цветов.

- Еду, - ответил Мегрэ.

Комиссар взял с собой Сантони. В маленьком черном автомобиле уголовной полиции он почувствовал себя неудобно. К тому же его раздражал запах духов, исходивший от Сантони.

Человек низкого роста, тот носил штиблеты на высоких каблуках, на среднем пальце правой руки - огромный желтый бриллиант, без сомнения - фальшивый. Волосы напوماжены.

Силуэты прохожих чернели в темноте улиц. Слышалось шарканье ног по скользкой мостовой. На тротуаре бульвара Сен-Мартен собралось человек тридцать, и полицейские с трудом удерживали их на некотором расстоянии от места убийства.

Когда машина остановилась, Неве поспешил открыть дверцу.

- Я просил врача подождать до вашего приезда.

На многолюдной окраине Больших бульваров было оживленно. Большие освещенные часы над ювелирным магазином показывали двадцать минут шестого. Единственное окно - витрина лавчонки искусственных цветов - было так плохо освещено, грязно и неприглядно, что казалось сомнительным, чтобы кто-нибудь заглядывал сюда.

Между магазинами - конец глухого переулка, такого узкого, что его можно было и не заметить. Таких узких и кривых переулков немало в этом районе. Здесь было холодно, сыро и сильно сквозило - больше, чем на бульваре. Пес, которого никак нельзя было прогнать, стоял впереди людей. На земле, у потемневшей от сырости стены, лежал человек: одна его рука была подогнута, другая, с побелевшей ладонью, почти перегородила весь проход.

- Мертв? - спросил Мегрэ.

Участковый врач кивнул:

- Смерть наступила сразу.

Как бы в подтверждение этих слов светлый круг электрического фонарика пополз по трупу и ярко сверкнул на торчащем ноже. Второй фонарик вырвал из темноты профиль убитого, раскрытый глаз и щеку, поцарапанную, видимо, при падении.

- Кто его нашел?

Один из полицейских вышел вперед. Он был еще молод и заметно взволнован.

- Я делал обход. По привычке заглядывал во все переулки и проходы и вдруг заметил на земле какого-то человека. Сперва принял его за пьяного.

- Без признаков жизни?

- Видимо, да. Тело его, однако, еще было теплым.

- В котором часу?

- Четыре сорок пять. Я подозвал коллегу и немедленно позвонил на пост.

- Это сообщение принял я, - вмешался в разговор Неве, - и сразу же приехал. Тут же велел вызвать врача.

- Никто ничего не слышал?

- Насколько мне известно, нет.

Невдалеке от места происшествия была видна дверь с тускло освещенным оконцем наверху.

- А это что такое?

- Дверь в контору ювелирного магазина. Тут ходят редко...

Перед выездом Мегрэ приказал сообщить о случившемся в отдел криминалистики. Прибыли эксперты. Работа поглотила все их внимание, они ничего не расспрашивали, жаловались лишь, что тяжело работать в таком неудобном и тесном месте.

- А что там во дворе, дальше? - продолжил уточнять Мегрэ.

- Одни стены. Единственная дверь, ведущая на улицу Маслей, наглухо заколочена.

Мегрэ подумал, что мужчине, наверно, всадили нож в спину, когда он прошел по переулку всего шагов десять.

Убийца крался за ним следом. Прохожие, двигавшиеся по бульвару, ничего не смогли заметить.

- Я осмотрел его карманы и обнаружил кошелек, - сказал Неве.

Он подал кошелек Мегрэ. Один из экспертов осветил находку фонариком. Кошелек был так себе - не новый, но и не старый. В нем лежали три тысячефранковых и несколько стофранковых банкнотов, удостоверение на имя Луи Туре - кладовщика, проживающего в Жюви, на Тополиной, 37, а также избирательный бюллетень на ту же фамилию, листочек бумаги с несколькими строчками, написанными карандашом, и очень старая фотография маленькой девочки.

- Можно начинать?

Мегрэ кивнул. Вспыхнул свет, защелкали фотоаппараты. Толпа в конце переулка быстро росла, и полиция едва сдерживала ее напор.

Потом эксперты осторожно вынули из тела нож и положили его в специальную шкатулку. Труп перевернули.

На лице убитого застыла гримаса удивления. Ему было, вероятно, лет пятьдесят, не больше. Убитый был одет чисто и опрятно. Темный костюм, легонькое бежевое пальто, а на ногах - желтые башмаки, никак не соответствующие по цвету этому дождливому дню. Кроме башмаков, все на нем было будничным, обыкновенным, и вряд ли на улице кто-нибудь обратил бы на него внимание. А между тем полицейский, обнаруживший убитого, сказал:

- Мне кажется, что я его где-то уже видел.

- Где?

- Не припоминаю. Но лицо это мне как будто знакомо. Таких людей мы ежедневно встречаем немало, но не обращаем на них особого внимания.

- Лицо и мне о чем-то говорит, - поддержал его Неве. - Возможно, он работал в этом районе...

Но это были только предположения. Ничто не подтверждало пока, что Луи Туре работал именно в глухом переулке. Мегрэ обратился к Сантони, так как тот длительное время служил в полиции нравов и многие могли быть ему известны.

- Нет, я его никогда не видел.

- Тогда действуйте дальше. А когда закончите, перевезите труп в Институт судебной медицины, а мы, - Мегрэ снова обратился к Сантони, - посетим семью, если она у него есть. Итак, в Жюви!

На вокзале в Жюви они долго расспрашивали про Тополиную улицу, и только пятый встречный показал им дорогу:

- Это дальше, на участках. Как доедете туда, смотрите на таблички. Все улицы носят названия деревьев и очень похожи друг на друга.

Проехали вдоль длиннющей товарной станции с непрерывно снующими составами. Справа от станции начинались участки с ровными, освещенными электрическими фонарями улицами. Сотни, пожалуй, даже тысячи домов, обсаженных различными деревьями, выстроились на один манер. Не все тротуары покрыты плитам, и на них много глубоких темных ям.

Улица Дубовая... Улица Березовая... Буковая... Может быть, все вокруг когда-нибудь станет парком, если все эти наспех построенные дома, похожие на игрушечные, не развалятся, пока подрастут деревья.

За окнами кухонь хлопотали женщины. Улицы были безлюдными. Кое-где попадался ларек, тоже недавно открытый и, как показалось, державшийся только на постоянных посетителях.

- Поворачивай влево.

Они плутали по улицам около десяти минут, пока наконец не прочли на голубоватой табличке название "Тополиная". Нужный дом сначала проехали, так как номер 37 шел сразу же за 21-м.

Свет горел только на первом этаже в кухне, где они увидели суетливую, довольно-таки представительную женщину.

- Значит, поработаем! - вздохнул Мегрэ, с трудом вылезая из маленькой машины.

Он постучал трубкой по каблуку. Когда шли тротуаром, форточка кухни открылась и женское лицо прильнуло к стеклу. Мегрэ поднялся на три ступеньки крыльца. Входная дверь сделана из смолистой сосны, лакированная, окованная понизу железом, с двумя маленькими квадратными окнами вверху темно-синего цвета.

Мегрэ стал искать кнопку звонка, но из-за закрытой двери послышался голос:

- Кто там?

- Здесь живет мадам Туре?

- Да, здесь.

- Я хотел бы с ней поговорить.

Женщина не торопилась открывать.

- Полиция, - вполголоса добавил Мегрэ.

Только тогда поднялась цепочка и отодвинулся засов.

Сквозь образовавшуюся щель женщина пристально оглядела двух мужчин.

- Что мне от меня надо?

- Поговорить с вами, мадам Туре.

- А откуда я знаю, что вы из полиции?

У Мегрэ случайно оказался в кармане значок. Частенько он оставлял его дома.

- Прекрасно. Надеюсь, он настоящий...

Они вошли в узенький, тщательно выкрашенный коридор, а оттуда - в одну из комнат.

Почти одного возраста с мужем, но немного коренастей, она казалась не тучной, а скорее крепкотелой. Серое платье и фартук не придавали ей привлекательности.

Комната, куда они вошли, видимо, служила гостиной и напоминала столовую на сельский лад, где все вещи стоят на точно определенных местах, как в витрине лавки или мебельного магазина. Ничего не валялось - ни трубки, ни пачки папирос, ни шитья, ни газеты, - абсолютно ничего, что могло бы навести на мысль, будто люди проводят здесь часть своей жизни.

- Я слушаю.

- Вашего мужа зовут Луи Туре?

Насупив брови, все еще стремясь угадать, зачем пришли к ней эти люди, она кивнула.

- Он работает в Париже?

- Заместителем директора фирмы "Каплан и Зенен" на улице Бонди.

- А работал ли он прежде кладовщиком?

- Было когда-то.

- Давно?

- Несколько лет назад. Но он и тогда уже, собственно, руководил всей фирмой.

- Может, мадам имеет какую-нибудь его фотографию?

- К чему она?

- Хотел бы убедиться...

- Убедиться? В чем именно? - И под влиянием все возрастающего подозрения спросила:

- Что случилось с Луи?

Женщина машинально посмотрела на часы в кухне - видимо, обдумывала, где должен быть ее муж в это время.

- Прежде всего я хотел бы убедиться, о нем ли идет речь.

- На буфете, - коротко сказала она.

Там действительно стояло пять или шесть фотографий в металлических рамках. Среди них снимок молодой девушки и мужчины.

- Ваш муж имеет врагов?

- А почему они должны у него быть?

Она вышла на минуту выключить газ - что-то закипало на плитке - и тотчас же вернулась.

- В котором часу он обычно приходит с работы?

- Он всегда садится на поезд в восемнадцать часов двадцать две минуты с Лионского вокзала. А наша дочь едет следующим поездом - она кончает работу немного позже. Дочь на ответственной работе и...

- Мы просим мадам поехать с нами в Париж.

- Луи умер?

Взгляд у нее был острым, пронизательным, какой бывает у женщин, не терпящих вранья.

- Скажите мне правду.

- Он убит сегодня после обеда.

- Где?

- В глухом переулке около бульвара Сен-Мартен.

- Что он там делал?

- Не знаю.

- В котором часу?

- Можно догадываться, что около половины пятого.

- В половине пятого он еще работает. Говорил ли месье с хозяином фирмы?

- Не имел времени. Кроме того, нам не было известно, где он работал.

- Кто его убил?

- Это, собственно, мы и хотим установить.

- Он был один?

У Мегрэ лопнуло терпение.

- Не думает ли мадам, что было бы лучше одеться и поехать вместе с нами?

- Что вы с ним сделали?

- Теперь его перевезли в Институт судебной медицины.

- Это морг?

Что ей на это ответить?

- А как я могу предупредить дочь?

- Оставьте ей записку.

Женщина задумалась:

- Нет. Я зайду к своей сестре, и пусть она подождет Монику здесь. А с дочерью вам тоже нужно увидеться?

- Мы в этом очень заинтересованы.

- Где она вас найдет?

- В моем кабинете, на набережной Орфевр. Так будет удобней. Сколько ей лет?

- Двадцать два.

- Может, вы знаете ее телефон?

- Нет. Кроме того, она уже ушла из конторы и теперь находится на пути к вокзалу. Прошу подождать.

Женщина стала на ступеньки, которые затрещали не от ветхости, а потому, что были сделаны из такого дерева.

Казалось, весь дом построен из дешевых материалов и имеет весьма мало шансов выстоять до глубокой старости.

Услышав наверху шаги, мужчины переглянулись и подумали об одном и том же: не иначе мадам меняет платье, одевается в черное и, видимо, причесывается.

Когда она вернулась, они снова переглянулись: на ней была траурная одежда, пахло одеколоном.

- Надо погасить свет и выключить счетчик. Месье могут подождать меня во дворе.

Садясь в автомобильчик, она на секунду застряла в дверях, словно сомневаясь, достаточно ли здесь места. Из соседнего дома кто-то следил за ними.

- Моя сестра живет через две улицы отсюда. Пусть шофер повернет вправо, а потом влево.

Можно было подумать, что это дома-близнецы, так они были похожи друг на друга. Отличались только цветом стекол над входной дверью.

- Сейчас вернусь.

Ее ждали около четверти часа. Вернулась мадам Туре вдвоем с женщиной, удивительно на нее похожей и тоже в траурном одеянии.

- Моя сестра поедет с нами. Ко мне пойдет шурин.

У него выходной день. Он служит ревизором на железной дороге.

Мегрэ сел рядом с водителем. Обе женщины уселись позади, оставив немного места для инспектора Сантони.

Иногда было слышно, как они переговаривались.

Когда прибыли в Институт у моста Аустерлиц, тело Луи Туре, так приказал Мегрэ, уже лежало на плите.

Мегрэ открыл лицо покойника, приблизился к обеим женщинам, которых при ярком свете увидел теперь впервые. В темноте на улице он принял их за близнецов.

Сейчас было видно, что сестра мадам Туре моложе на три, а то и четыре года.

- Вы его узнаете?

У мадам Туре в руках платочек, но она не плачет.

Сестра держит ее под руку, словно придавая ей сил.

- Да, это Луи. Мой бедный Луи... Сегодня, прощаясь утром со мной, он не думал... - И вдруг спросила:

- Можно ему закрыть глаза?

- Теперь мадам может это сделать.

Она посмотрела на сестру: обе словно испытывали друг друга - кто из них отважится. И сделала это жена, с особой торжественностью, прошептав:

- Бедняжка Луи... - Тут она заметила башмаки, торчащие из-под простыни, и насупила брови. - Что это такое?

Мегрэ не сразу сообразил.

- Кто ему надел эти башмаки?

- Они и были у него на ногах, когда его обнаружили.

- Это невозможно. Луи никогда не носил желтых башмаков, примерно с двадцати шести лет, с тех пор, как стал моим мужем. Он знал, что я не позволила бы ему. Видишь, Жанна?

Жанна утвердительно кивнула.

- Прошу вас убедиться, вся ли одежда принадлежит ему. Что касается личного, то нет никакого сомнения, правда же?

- Ни единого. Но башмаки не его. Он чистит их почти каждый день. Разве я не знаю? Сегодня утром надел черные, с двойной подметкой; он все время ходил в них на работу.

Мегрэ снял простыню.

- Это его пальто?

- Да.

- А костюм?

- Да, но галстук - не его. Никогда бы он не надел такого кричащего галстука. Этот почти красный! Ужас!..

- Ваш муж вел правильный образ жизни?

- А как же! Моя сестра может подтвердить. Утром он сидел на углу в автобус, который точно в восемь семнадцать привозил его на станцию в Жюви. Он всегда ездил с нашим соседом, месье Бодуэном из управления налогов. На Лионском вокзале спускался в метро и выходил на остановке "Сен-Мартен".

Сотрудник института подал Мегрэ какой-то знак. Комиссар понял его и проводил обеих женщин к столу с разложенными на нем вещами пострадавшего.

- Надеюсь, мадам узнает это?

Там лежали серебряные часы с цепочкой, зажигалка, ключ и рядом с кошельком - два кусочка синего картона.

Мадам Туре сразу посмотрела на картонки.

- Билеты в кино, - удивленно сказала она.

- Кинотеатр новых фильмов на бульваре Бон-Нуviel, - рассматривая билеты, подтвердил Мегрэ. - Судя по цифрам, их использовали сегодня.

- Это невозможно. Слышишь, Жанна?

- Мне это все кажется странным, - важно заметила сестра.

- Может быть, осмотрите кошелек?

Она послушалась и снова насупила брови:

- У Луи сегодня утром не было столько денег.

- Вы уверены?

- Да, я ежедневно проверяю у него в кошельке деньги. Он никогда не имел больше одной тысячефранковой и двух или трех стофранковых банкнотов.

- Может, он что-нибудь получил?

- До конца месяца еще далеко.

- А после работы у него всегда оставалась в кармане определенная сумма?

- Кроме тех денег, которые он потратил на метро и сигареты. На проезд в электричке он имел постоянный билет.

Она хотела положить кошелек в мешочек, но остановилась:

- Может, он вам еще нужен?

- Пока да.

- Никак не пойму, почему у Луи заменены башмаки и галстук. И вообще удивительно, что его в это время не было на работе.

Мегрэ больше ни о чем ее не спрашивал. Попросил подписать какие-то бумажки.

- Вы поедете домой?

- Когда мы сможем забрать тело?

- Видимо, через день или два.

- Вскрытие будет?

- Возможно, а впрочем, не обязательно.

Мадам Туре посмотрела на часы.

- У нас поезд через двадцать минут, - обратилась она к Мегрэ. - Не смогли бы вы подвезти нас до вокзала?

- Монику ждать не будешь? - удивилась сестра.

- Вернется одна.

Когда обе дамы прошли к Лионскому вокзалу, Сантони с усмешкой проговорил:

- Сильна! Ее муженек вряд ли мог как следует разгуляться.

- Куда уж...

- Что вы думаете о приключении с башмаками? Будь они новые, можно было бы допустить, что он купил их только сегодня.

- Не осмелился бы. Разве не слыхали, что она говорила?

- Да и купить яркий галстук он тоже не решился бы.

- Интересно, похожа ли дочь на мать?

Когда они вернулись в полицию, служащий сказал Мегрэ:

- Месье, вас спрашивала какая-то девушка. Кажется, она договорилась о встрече. Я послал ее наверх.

- Давно ждет?

- Минут двадцать.

Мгла перешла в мелкий дождик, и мокрые следы ног образовывали мраморные прожилки на всегда запыленных ступеньках. Большинство кабинетов пустовало. Только из-под некоторых дверей пробивался свет.

- Мне оставаться с вами? - спросил Сантони.

Мегрэ утвердительно кивнул: поскольку он начал следствие с Сантони, то и продолжать следует вместе.

Девушка сидела на диване в приемной. В глаза бросилась ее светло-синяя шляпка. Дежурный писарь встал:

- Это к вам, шеф.

- Знаю. - Мегрэ повернулся к ней и спросил:

- Мадемуазель Туре? Пройдемте, пожалуйста, в мой кабинет.

В кабинете Мегрэ пригласил девушку сесть. Он зажег лампу с зеленым абажуром, ее свет падал на кресло, стоявшее возле стола.

- Дядя сказал мне, что отец умер.

Мегрэ ответил не сразу. Мадемуазель Туре плакала.

Как и ее мать, она держала в руке платочек, свернутый клубочком, и мяла его. Мегрэ в детстве любил так мять кусок замазки.

- Я думала, что застану тут мать.
- Она уже уехала в Жюви.
- Как она это перенесла?
- Держалась мужественно.

Моника была красивой, совсем не похожей на мать, но унаследовала от нее тучность. Однако это не бросалось в глаза - сказывалась молодость. На ней был элегантно сшитый костюм, что немного удивило комиссара, поскольку она вряд ли могла сшить его сама, - видимо, купила в дорогом магазине.

- Что случилось? - спросила наконец девушка, и на глазах у нее опять заблестели слезы.
- Ваш отец убит.
- Когда?
- Сегодня между половиной пятого и без четверти шесть.
- Как это могло случиться?

Почему-то Мегрэ показалось, что все сказанное ею звучит не совсем искренне. Мать еще можно было понять - у той такая натура. По мнению мадам Туре, умереть в глухом переулочке бульвара Сен-Мартен - большой позор. Она устроила свою жизнь, и не только свою, но и всей семьи, а эта смерть не вмещалась в установленные ею рамки, а тем более на покойном - о ужас! - были желтые башмаки и красный галстук.

Моника же казалась несколько другой - осторожной и словно побаивающейся каких-нибудь неожиданностей или коварных вопросов.

- Вы хорошо знали характер и привычки отца?
 - Да... Но, наверно...
 - Меня еще интересует, были ли вы дружны, делился ли отец с вами своими мыслями, душевными переживаниями?..
 - Он был хорошим отцом...
 - Он считал себя счастливым?
 - Кажется.
 - Вы встречали его в Париже?
 - Не понимаю. Вы имеете в виду - на улице?
 - И вы и он работали в Париже. Мне уже известно, что одним поездом вы не ездили.
 - У нас разные часы работы.
 - Могли бы встречаться во время обеденного перерыва.
 - Иногда...
 - Часто?
 - Нет. Скорее редко.
 - Вы бывали у него на работе?
- Девушка заколебалась.
- Нет, - ответила она, - мы встречались в ресторане.
 - Вы ему звонили?
 - Не помню.
 - Когда последний раз вы с ним обедали?

- Несколько месяцев назад. Перед отпуском.
 - Где именно?
 - В "Эльзасской кружке", ресторане на Севастопольском бульваре.
 - Ваша мать знала об этом?
 - Кажется, я ей говорила. Не помню.
 - Отец был человеком веселого нрава?
 - Мне думается, достаточно веселым.
 - Не жаловался на здоровье?
 - Никогда его не видела больным.
 - Приятели у него были?
 - В гости мы ходили прежде всего к теткам и дядям.
 - У вас их много?
 - Две тетки и два дяди.
 - Все живут в Жюви?
 - Да. Недалеко от нас. Дядя Альберт, муж тетки Жанны, и сообщил мне о смерти отца. Тетка Целина живет немного подальше.
 - Они сестры матери?
 - Да.
 - Скажите, мадемуазель Моника, вы дружны с каким-нибудь молодым человеком?
- Девушка немного смутилась:
- Сейчас не стоит говорить... Это некстати. Мне придется увидеть отца?
 - Что мадемуазель хочет этим сказать?
 - Дядя сказал, что я должна опознать труп.
 - Это уже сделали мать с теткой. А впрочем, если мадемуазель пожелает...
 - Нет. Я увижу его дома.
 - Еще один вопрос. Случалось ли вам видеть в Париже отца в желтых башмаках?
- Девушка ответила не сразу. Наверно, чтобы выиграть время, она переспросила:
- В желтых башмаках?
 - Не совсем желтых, скорее, в светло-бежевых. Простите за выражение, в мою молодость такой цвет называли "детским поносом".
 - Не помню.
 - А красного галстука у отца не видели?
 - Нет.
 - Когда вы ходили в кино?
 - Вчера после полудня.
 - В Париже?
 - В Жюви.
 - Я больше вас не задерживаю. Кажется, скоро ваш поезд?
 - Через тридцать пять минут.
- Девушка взглянула на часы, поднялась и в нерешительности стояла у стола.
- До свидания, - проговорила она наконец.
 - До свидания. Благодарю вас, мадемуазель.

Мегрэ проводил ее до порога и закрыл за ней дверь.

Глава 2

ДЕВУШКА С БОЛЬШИМ НОСОМ

Мегрэ вышел из дому в половине девятого и не спеша за четверть часа добрался к тому месту, где улица Бонди достигает бульваров, - образуя на перекрестке небольшую площадь перед театром "Ренессанс". Там, по словам мадам Туре, в фирме "Каплан и Зенен", работал Луи Туре.

Дом был очень стар. Консьержка в это время раскладывала почту.

- Фирма "Каплан и Зенен"? - спросил ее комиссар.

- В следующем месяце будет ровно три года, как она перестала существовать.

- А вы в ней работали?

- В декабре исполнится двадцать шесть лет, как я тут живу.

- Вы знали Луи Туре?

- А как же!

- Я из полиции, - пояснил Мегрэ. - Мне необходимо узнать все, что касается Туре.

- Мы все называли его месье Луи. Большинство не знало фамилии. Три года назад дом намеревались снести, а на его месте построить кинотеатр. Тогда же жители получили предупреждение, а я сама приготовилась уехать к дочери в Ниевр. Месье Каплан закрыл фирму.

Они вышли во двор, где чуть поодаль возвышался просторный, похожий на вокзальный зал, дом со стеклянной крышей. На стенах еще оставалось несколько букв от названия фирмы.

- Каждый раз, когда месье Луи заглядывал ко мне...

- Он часто бывал?

- Наверное, каждые два или три месяца, всегда с лакомством в кармане... Однако каждый раз чувствовалось, что ему очень тоскливо.

- Он служил кладовщиком?

- Да. Постоянно ходил в серой блузе. Посмотрите, там в угловой комнате была конторка молодого месье Каштана. А чуть левее сидела машинистка Леония. В клетушке на втором этаже работал старый бухгалтер. Однажды утром месье Макс Каплан созвал весь персонал и сказал, что ликвидирует фирму...

- Вы знали мадам Туре?

- Никогда ее не видела. Она жила за городом, в Жюви...

- И теперь там живет.

- А вы уже с ней виделись? Что она собой представляет?

При этом вопросе Мегрэ кисло улыбнулся. Она поняла его.

- Я тоже так думала. Можно было догадываться, что он несчастен в семейной жизни.

- Женщины его интересовали?

- Никогда!

- Вы, надеюсь, знаете, где сейчас эта Леония? И чем она занимается?

- Да. У меня есть ее адрес, живет с матерью. Теперь она уже не работает на машинке. Открыла лавочку на улице Клиньянкур, на Монмартре. Торгует комплектами и всякой мелочью для новорожденных.

- Благодарю вас, мадам. Я еще буду у вас, обязательно загляну.

Мегрэ зашел в небольшой бар и позвонил в полицию.

- Кто у телефона?

- Жанвье, шеф.

- Что нового?

- Люди разъехались, как вы приказали.

Это значило, что все пять инспекторов, поделив на участки Париж, побывали во всех железоскобяных магазинах. Сантони же поручено на всякий случай собрать материал о Монике Туре. Поэтому он должен быть на улице Риволи и вертеться возле конторы "Жебер и Башелье - спорные дела".

- Можете прислать мне машину?

- Где вы сейчас находитесь?

- На улице Бонди. Я буду ждать около театра.

- Это все?

- Дай снимок в газету. Пускай пишут как о банальном деле.

- Ладно.

Зайдя в лавку Леонии, Мегрэ чуть не остолбенел. Вид вышедшей к нему из задней комнаты женщины совсем не отвечал созданному в его представлении образу машинистки Каплана. У нее был большой мясистый нос, который можно увидеть у старых сонливых львов в зверинце. Лицо и руки бесцветны и болезненны.

Огромная печка в соседней комнате дышала ровным жаром. Всюду, на прилавках и полках, лежали тонкие полотна, чепчики и платица. В кресле сидела старуха с котом на коленях. Сколько лет Леонии, определить было трудно. Очевидно, перевалило на шестой десяток.

Матери было не менее семидесяти пяти. Она смотрела на комиссара маленькими птичьими глазами. Большой нос Леония унаследовала не от нее, а от отца, увеличенная фотография которого висела на стене.

- Я Мегрэ, комиссар уголовной полиции. Вчера убили вашего прежнего коллегу Луи Туре...

Из всех женщин известие о смерти Луи поразило ее больше других. Однако Леония не заплакала, не полезла за носовым платком и не стала кусать губы. Она просто окаменела, застыла на мгновение. Можно было поклясться, что сердце ее перестало биться.

- Чтобы установить убийцу, я должен собрать по возможности больше сведений о Луи...

Она молча закивала.

- Думаю, вы знали его хорошо...

Лицо ее прояснилось.

- Как это случилось? - спросила она.

Женщина была безобразной, видимо, с самого детства и, безусловно, всегда об этом хорошо помнила. Она оглянулась на мать и прошептала:

- Можете говорить при ней. Она совсем глуха. Ее утешает лишь присутствие людей.

Мегрэ не решился сказать, что ему душно в этой комнате.

- Я сейчас с улицы Бонди от консьержки.

- Ваше сообщение ее, наверно, напугало.

- Да. Она его очень любила.

- Все его любили.

Тут Леония слегка покраснела.

- Вы с ним часто виделись, не правда ли?

- Он приходил к нам всего несколько раз, поэтому не могу сказать, что часто.
 - Известно ли вам, чем он занимался в последнее время?
 - Я его об этом никогда не спрашивала. Казалось, ему живется хорошо. Я полагаю, что у него есть какое-то свое собственное дело, ибо он никогда не торопился на службу.
 - Не рассказывал о людях, с которыми знался?
 - Мы если и говорили, то прежде всего об улице Бонди, о фирме "Каштан", о месье Максе и его имуществе. - Она остановилась. - Полагаю, месье виделся с его женой?
 - Да. Вчера вечером.
 - Что она сказала?
 - Она не понимает, как случилось, что муж в минуту смерти оказался в желтых башмаках.
 - Он часто носил их.
 - Еще тогда, когда работал на улице Бонди?
 - Намного позднее.
 - Как это понимать?
 - Ну, может, спустя год.
 - Вас не удивили его желтые башмаки?
 - Удивили.
 - Что вы тогда подумали?
 - Что он изменился.
 - И действительно изменился?
 - Он уже был словно не тот. Что-то вклинилось в его жизнь.
 - Жена?
- Это было жестоко, однако он должен был так спросить.
- Может.
 - Он доверял вам?
 - Нет.
 - Никогда не пытался ухаживать за вами?
 - Никогда, - ответила она торопливо. - Клянусь.
- Я уверена, что даже и мысли такой у него не было!
- Кот оставил старуху и прыгнул на колени Мегрэ.
- Представляю, какой это был жестокий удар для всех вас, когда месье Каплан объявил, что закрывает фирму.
- Да.
 - Особенно для Луи Туре?
 - Месье Луи больше всех был привязан к фирме.
- Приспособился. Он ведь начал работать в конторе с четырнадцати лет.
- Откуда он родом?
 - Из Бельвиля. Он рассказывал, что его мать осталась вдовой и однажды привезла его к старому месье Каштану. Тогда он еще в коротких штанишках бегал.
 - Мать умерла?
 - О, уже давно.
 - Думаю, ему тяжело было найти работу.

- Кто вам об этом сказал?
- Я так понял из разговора с консьержкой.
- Найти работу всегда тяжело, если человеку уже за сорок, да еще когда нет никакой специальности.
- Он бывал у вас в то время?
- Да.
- Вы помогали ему?
- Зачем об этом говорить?
- Понимаете, пока не буду иметь полного представления, что делал месье Туре в последние годы, я не смогу найти убийцу.
- Да, да, - согласилась она. - Я расскажу все, но пускай это останется между нами. Прежде всего не надо говорить его жене. Она такая заносчивая...
- Вы ее знаете?
- Он мне рассказывал. Мужья ее сестер занимают прекрасное положение и построили себе дома.
- Он тоже.
- Его заставила жена. Она же пожелала поселиться в Жюви, как и ее сестры. Ее голос изменился, в нем слышалась глухая, давно накопившаяся обида.
- Он боялся жены?
- Не хотел никому причинять боли. Когда мы потеряли работу, это было за несколько недель до Рождества, он решил не портить семье праздник.
- Он ничего дома не сказал? Делал вид, что все еще работает на улице Бонди?
- Луи надеялся быстро найти новую работу, сперва за несколько дней, а потом недель. Он же незадолго до этого купил дом.
- Не понимаю.
- Луи купил его в рассрочку, а я знала, что если он хоть один раз не заплатит в срок...
- У кого он занял деньги?
- У месье Сембронна и у меня. Сембронн - это наш бывший бухгалтер. Он уже не работает. Живет на набережной Межисери.
- У него есть деньги?
- Он бедняк.
- И оба вы одолжили месье Луи?
- Да. Иначе его дом продали бы, а семью выгнали на улицу.
- Почему он не обратился к месье Каплану?
- Месье Каплан отказал бы ему. Такой уж это человек. Когда он объявил о ликвидации фирмы, то каждому из нас вручил конверт с трехмесячной зарплатой. Месье Луи не решился держать их при себе, чтобы не узнала жена.
- Она обыскивала его карманы?
- Не знаю. Очевидно, да. Деньги хранились у меня. Каждый месяц Луи брал сумму в размере своего жалованья. Потом, когда он все забрал...
- Понимаю.
- Он даже отдал мне долг.
- Спустя какое время?

- Через восемь или девять месяцев.
- Сколько вы его не видели?
- Почти с февраля до августа.
- Вы беспокоились?
- Нет. Я знала, что он придет. А если бы даже и не вернул...
- Он сказал вам, что нашел работу?
- Сказал, что работает.
- Тогда он носил желтые башмаки?

Да. Каждый раз, когда приходил, приносил подарки мне и лакомства для мамы. Может, собственно, поэтому старая женщина так разочарованно смотрела на Мегрэ. Их гости, наверно, приносили ей лакомства, а Мегрэ пришел с пустыми руками.

- Туре никогда не называл каких-нибудь фамилий?
- Чьих?
- Начальников, приятелей, коллег...
- Нет...
- А не вспоминал ли он в разговоре какие-нибудь места Парижа?
- Только улицу Бонди.

У входа послышался звонок. Кто-то вошел в лавку.

Мегрэ встал.

- Не буду больше мешать.
- Прошу, заходите к нам.
- Благодарю.

Глава 3

ЯЙЦО ВСМЯТКУ

С утра комиссар прежде всего позвонил Максу Каплану. Ему ответили, что тот находится на своей вилле и не известно, когда вернется в Париж. Затем он побывал у Сембронна на набережной Межисери.

Вход в дом находился между двумя магазинами, торговавшими птицами. Когда Мегрэ позвонил, внутри послышался тихий странный звук. Потом легкие шаги. В раскрытой двери появилось длинное, бледное и костлявое, словно у упыря, лицо с бородой и глазами, полными слез.

Человек, видимо, был почти одного возраста с матерью Леонии.

- Месье Семброн?

- Да, это я. Прошу, заходите. - Даже такую короткую фразу он не мог произнести без кашля. - Извините. Бронхит одолевает...

Из помещения повеяло тошнотворным, отвратительным запахом. Слышались шум газовой плиты и бульканье воды.

- Я из уголовной полиции. Комиссар Мегрэ...
- Слушаю. Я и подумал, что месье придет.

Перед ним лежала газета, раскрытая на странице с сообщением об убийстве Луи Туре.

- Я помешал вашему завтраку?

- Нет, нет, ничего.
- Очень прошу вас, делайте свое дело и на меня не обращайтесь внимания.
- Яйцо все равно уже сварилось.
- Когда вы в последний раз видели месье Луи?

Из-за тяжелых приступов кашля и невероятной медлительности, с которой Семброн ел яйцо, разговор продолжался с полчаса. Но ничего особенно нового Мегрэ не узнал.

Ликвидация фирмы "Каплан" была для Семброна тоже катастрофой. Впрочем, он и не собирался искать новую работу. Имел кое-какие сбережения. Копил годами и верил, что обеспечит свою старость. Но деньги упали в цене, и у него осталось, только чтобы не умереть голодной смертью. Он был вдов, ни детей, ни родственников не имел.

Когда Туре попросил денег, Семброн одолжил ему не колеблясь.

- Луи сказал, что это вопрос жизни или смерти. Я ему верил. Леония тоже одолжила. Он вернул мне их через несколько месяцев.

- Сколько раз он был у вас?
- Дважды или трижды. Первый раз принес деньги.

Тогда же подарил трубку.

- Когда вы видели его в последний раз?
- Три недели назад на скамейке бульвара Бон-Нуфель.
- Вы с ним разговаривали?

- Я подсел к нему. Он хотел угостить меня в ближайшем кафе, но я отказался. Был солнечный день, мы сидели и разговаривали, поглядывая на прохожих.

- Он был в желтых башмаках?
- Я не смотрел на его ноги.
- Говорил о своей работе?

Месье Семброн отрицательно покачал головой.

- Как вы попрощались?
- Мне все казалось, что кто-то вертится около скамейки и подает моему собеседнику знаки.
- Мужчина?
- Да. Средних лет.
- Какой у него был вид?
- Как и у всех посетителей скверов в том районе.

Впрочем, странное лицо. Да, он еще сел рядом, но не заговорил с нами. Я ушел. Когда оглянулся, то они уже разговаривали.

- Спокойно?
- Не похоже, чтобы ссорились.

Вот и все. Мегрэ заколебался, не пойти ли домой, и в конце концов передумал, решил позавтракать в своем излюбленном уголке пивной "У дофины". Чуть позже ему позвонил судья Комельо.

- Что у вас с делом Туре? Прокурор передал его мне сегодня утром и сказал, что вы занимаетесь им. Полагаю, это счета пьяных. А?

Мегрэ кашлянул, это означало ни да ни нет.

- Тело можно отдать семье. Я хотел бы только, чтобы одежду прислали в лабораторию.
- Согласен. Прошу информировать меня, как идет следствие.

Мегрэ набил трубку, закурил и долго сидел, углубившись в принесенные бумаги или разговаривая по телефону.

- Можно войти, шеф? - Это был Сантони. - Мне кажется, я напал на след, - чуть ли не подпрыгивая, воскликнул он радостно.

Мегрэ спокойно посмотрел утомленными глазами на инспектора.

- Прежде всего контора "Жебер и Башелье", в которой работает та малютка, занимается взысканием долгов. Собственно, она скупает уже безнадежные векселя по низкой цене и выжимает у должников денежки. Это небольшой доход. Следовательно, они заняты не столько в конторе, сколько преследованием жертв на дому. Мадемуазель Туре работает на улице Риволи только до обеда, а потом обходит дома должников.

- Понимаю.

- Конечно, это преимущественно беднота. Ее можно запугать и в конце концов что-то выбить. Начальства я не видел. Ждал на улице, не хотел, чтобы Моника меня заметила. Когда вышли на обед, я подцепил одну сотрудницу уже не первой молодости, которая, видимо, не любила свою подругу.

- И что?

- Наша Моника имеет приятеля.

- Узнал, как его зовут?

- Минуточку, шеф. Они встречаются около четырех месяцев и ежедневно обедают вместе в дешевом ресторане на Севастопольском бульваре. Ему всего девятнадцать. Работает продавцом в большом книжном магазине на бульваре Сен-Мишель. Парня зовут Альбер Жорис.

Мне хотелось узнать, что он собой представляет, и я пошел в ресторан. Там было многолюдно, но Моника увидел сразу. Она сидела за столиком одна и, казалось, нервничала, непрерывно поглядывая на дверь.

- Он так и не пришел?

- Не пришел. Она ела очень медленно, как только было возможно. В этих ресторанах вообще обслуживают быстро и не любят, когда посетители не торопятся.

В конце концов ей пришлось уйти и еще четверть часа прогуливаться вдоль тротуара.

- А потом?

- Потом она двинулась по бульвару Сен-Мишель. Я пошел за ней. Моника зашла в магазин и обратилась к продавцу, который послал ее в кассу. Я видел, как она упрямо о чем-то просила. В конце концов ушла ни с чем.

- Не следил за ней дальше?

- Я подумал, что лучше заняться юношей. Тоже зашел в магазин и спросил у директора, знает ли он Альбера Жориса. Тот ответил утвердительно, но заметил, что парень работает лишь по утрам. Увидев мое удивление, директор пояснил, что он нанимает студентов, а те не могут работать целый день.

- А Жорис студент?

- Прошу не торопиться. Он работает уже около года.

Сначала приходил на целый день. Потом, месяца три назад, заявил, что будет изучать право и может быть в магазине лишь до обеда.

- Узнал его адрес?

- Он проживает с родителями на аллее Шатийон.

Минуточку, это еще не все. Альбер Жорис не явился сегодня на работу, что с ним случилось редко, два, три раза за весь год, и он всегда предупреждал по телефону. Сегодня этого не сделал.

- Вчера он работал?

- Да. Я подумал, что стоит поехать на аллею Шатийон. Родители его, приятные люди, живут в уютной квартире на четвертом этаже. Мать застал за глажкой белья.

- Ты ей сказал, что из полиции?

- Нет. Заявил, что я приятель ее сына и мне нужно его видеть...

- Она направила тебя в магазин?

- Да. Женщина ничего не подозревала и сообщила, что он уехал сегодня утром в четверть девятого, как всегда. Мать никогда не слыхала, чтобы ее сын изучал право. Муж ее работает на складе тканей, на улице Виктуар. Они не так богаты, чтобы платить за обучение сына.

- Что ты делал дальше?

- Я сделал вид, что это, видимо, не тот Жорис, которого я ищу. Спросил у нее, есть ли в доме фотография сына. Она показала мне снимок, стоявший в столовой.

Милая женщина, она ничего не заподозрила. Хлопотала над тем, чтобы не остыл уют. Я не переставал осыпать ее комплиментами...

Мегрэ не сказал ничего. Он, казалось, не проявил никакого интереса к этому сообщению. Сантони работает недавно и не знает еще стиля работы Мегрэ и его сотрудников.

- Выходя, я воспользовался ее невнимательностью. - Сантони протянул руку.

- Давай.

Мегрэ и без того знал, что Сантони утащил фотографию. На ней был изображен худощавый, нервный, с очень длинными волосами юноша. Женщинам он, вероятно, нравился и знал об этом.

- Это все?

- Видимо, стоит проследить, вернется ли он сегодня вечером домой, правда?

- Увидим.

- Вы недовольны?

Что ему сказать? Сантони оботрется, как и другие.

Когда Мегрэ брал к себе инспекторов из другого отдела, с ними всегда повторялась та же история.

- Если я не следил за девушкой, то потому, что знал, где ее можно искать. Каждый день в половине шестого, а самое позднее в сорок пять минут шестого она приходит в контору, сдает деньги и отчет. Может быть, вы хотите, чтобы я туда пошел?

Мегрэ заколебался. Ему уже хотелось сказать, чтобы Сантони вообще больше ничем не занимался. Но подумал, что это было бы несправедливо, поскольку инспектор старался.

- Узнай, вернулась ли она в контору, а потом - уйдет ли оттуда как всегда.

- Может, парень с ней встречался?

- Может. В котором часу он возвращается домой?

- Он ужинает в восемь. В это время он всегда дома.

- Телефона у них нет?

- Нет.

- А у консьержки?

- Не думаю. Не похоже, чтобы в таком доме был телефон.

- Зайди туда в половине восьмого и расспроси консьержку. Оставь у меня фотографию.

Раз уж Сантони взял фотографию, то Мегрэ задержит ее у себя. Кто знает, может и пригодится.

- До ухода на улицу Риволи остается два часа. Что делать?

- Зайти в отдел инспекций мебелированных комнат.

Нет ли там бланка на имя Луи Туре.

- Думаете, у него есть комната в городе?

- А где же он оставлял желтые башмаки и яркий галстук, прежде чем вернуться домой?

- Да, это правильно.

Через два часа вышла послеобеденная газета с портретом Луи. Совсем крохотный снимок, помещенный в углу страницы, с короткой подписью: "Луи Туре, убитый вчера после обеда в глухом переулке около бульвара Сен-Мартен. Полиция нашла след убийцы".

Это было выдуманно, но газеты всегда преподносят такое на полном серьезе. Странно только, что комиссару никто еще не звонил в связи с этим делом. И, собственно, в кабинете он торчит, чтобы отвечать на звонки. В подобных случаях людям почти всегда кажется, будто они знают жертву или же видели около места преступления подозрительную особу. Большинство таких донесений после проверки оказываются не правдоподобными. И все же иногда они помогают установить истину.

Три года месье Луи брал завтрак, завернутый в газету, и уезжал из Жюви всегда одним поездом, чтобы вернуться тем же самым поездом вечером.

Куда он шел, когда выходил из поезда на Лионском вокзале? Это осталось тайной.

Первые месяцы, видимо, настойчиво искал новую работу. Ему пришлось, как и другим, стоять в хвосте у порога редакций, чтобы тотчас бежать по адресу, указанному в газетных объявлениях. Потом след его пропал на долгие месяцы. Туре не только должен был заработать то, что получал у Каплана, но еще иметь деньги, чтобы выплатить долги.

Все время он возвращался домой как и прежде. Жена ничего не знала о его делах. Так же, как и дочь, сестры и их мужья.

Однажды он приехал на улицу Клиньянкур, чтобы отдать Леонии деньги и гостинец для старухи.

В то время уже появились желтые башмаки.

Почему его так заинтересовали эти желтые башмаки?

Мегрэ и сам не знал. Прежде всего они были доказательством независимости Туре. Ведь когда он носил их, то считал себя свободным человеком, ни жена, ни ее родственники не имели над ним власти, пока снова не надевал свои черные. Это имело также и другое значение.

У Луи были теперь деньги. Но почему он не говорил своим знакомым, что работает?

Консьержка случайно встретила его на скамейке бульвара Сен-Мартен. Она не поздоровалась с ним, а отвернулась - чтобы не смутить. Ее удивило, что он сидел на скамейке. Такого человека, как месье Луи, который всю свою жизнь работал по десять часов, застать вдруг на скамейке!

Пусть в воскресенье, пусть после обеда. А то в одиннадцать часов, когда во всех конторах, магазинах и складах кипит работа.

На лавке последнее время видел его и старый друг месье Семброн, но уже на бульваре Бон-Нувель, недалеко от того же бульвара Сен-Мартен и улицы Бонди. Это было после обеда. Месье Семброн не стал отворачиваться, а заговорил с Туре. А кто крутился около лавки в ожидании знака, чтобы подсесть? Семброн не рассмотрел незнакомца. Но то, что он сказал, было неожиданностью: "Такие люди всегда там сидят на лавках".

По мнению комиссара, две вещи - желтые башмаки и сидение на лавке не совсем подходили друг другу.

В конце концов, надо рассматривать тот факт, что Луи в один дождливый и холодный день, где-то в полпятого, после обеда, пошел через глухой переулок и кто-то, тихо крадучись за ним, всадил ему нож между лопаток.

Это случилось по крайней мере в десяти метрах от тротуара. А ведь по нему плыл людской поток...

Никто так и не позвонил. Вечерело. Комиссар поднялся и снял с вешалки теплое пальто. Прежде чем выйти, открыл дверь в комнату инспектора:

- Я буду через два часа.

Брать машину было ни к чему. Он вскочил в автобус и через несколько минут вышел на углу Севастопольского бульвара и Больших бульваров.

Еще вчера в это время Луи Туре тоже был здесь. Он имел бы еще время сменить желтые башмаки на черные и направиться на Лионский вокзал, чтобы вернуться в Жюви.

Толпа на тротуарах увеличивалась. Чтобы перейти улицу, надо было почти целую минуту ждать на каждом углу.

"Это, видимо, она", - подумал Мегрэ, увидев скамейку на тротуаре против бульвара Бон-Нуэль.

Но сейчас она пустовала.

На углу улицы Сен-Мартен прохаживались проститутки. Некоторые сидели в баре, где четверо мужчин играли за круглым столом в карты.

Мегрэ увидел у прилавка инспектора Неве и остановился, ожидая его. Неве, видимо, уже расспросил всех женщин.

- Как дела? - спросил Мегрэ, выйдя из бара.

- Вы тоже здесь, шеф?

- Совершаю обход.

- Я здесь с восьми утра. Опросил уже человек пятьсот.

- Нашел, куда Туре ходил обедать?

- Откуда вы узнали?

- Полагаю, он обедал в этом районе, и всегда в одном и том же месте.

- Вон в том, - показал Неве на уютный ресторан.

- Что там говорят?

- Официантка сказала, что он сидел всегда за одним и тем же столом у прилавка. Вы знаете, как она его называла? Маленьким... "Ну, мой маленький, что вы сегодня будете есть?" Официантка уверяла меня, что месье Луи это нравилось. Он разговаривал с ней о погоде.

Однако никогда не пытался ухаживать. Официантки в том ресторане имеют два свободных часа между завтраком и обедом. Она часто видела месье Луи на скамейке. Всегда здоровался с ней, помахивая рукой. Как-то она сказала ему: "Не похоже, что вы перетрудились, мой маленький". Он ответил, что работает ночью.

- Она поверила?

- Да. Мне показалось, что она ему симпатизирует.

- Читала газеты?

- Нет. Про убийство она узнала от меня. Не могла поверить.

- Кто еще замечал его здесь?

- С десяток человек. Одна девушка, которая стоит на углу, видела его почти ежедневно... Зывала его, пробовала сперва уговорить... Он отказывался, но деликатно.

С тех пор при встрече она бросала ему: "А может, сегодня?" Это сместило обоих. А когда она уходила с клиентом, он подмигивал ей.

- Его видели когда-нибудь с женой?

- Девушки нет, но видел его один продавец ювелирного магазина.
- Это тот магазин, около которого его убили?
- Да. Когда я показал в магазине снимок, его узнали. "Это тот добряк, который купил у нас кольцо на той неделе", - заметил продавец.
- Месье Луи был с молодой женщиной?
- Не очень молодой. Продавец не обратил внимания, он думал, что они муж и жена. Заметил только, что у нее на шее была чернобурка.
- Кольцо было дорогим?
- Позолоченное с фальшивым бриллиантом.
- Ничего не говорили при этом?
- Разговаривали, но продавец не помнит о чем.
- Он бы ее узнал?
- Я не уверен. Она была в черной одежде и в перчатках. Одну из них, примеряя кольцо, едва не забыла на прилавке. Месье Луи вернулся, а женщина ждала его за дверью. Она была ростом выше его. На улице он взял ее под руку, и они направились на площадь Республики.
- А еще что?
- Пока у меня было маловато времени. Ходил я и подальше отсюда, в район Монмартра, но напрасно. Ага, чуть было не забыл. Вы знаете продавцов вафель на Месячной? Они помнят его. Приходил частенько за вафлями. Он покупал всегда три штуки и забирал их с собой.
- Вафли были огромные. Реклама говорила, что они самые большие в Париже. Кажется невероятным, чтобы маленький месье Луи после обеда мог съесть все три.
- Он также не был похож на человека, который мог есть их на скамейке. Может, он съедал их вместе с женщиной, которой купил кольцо? В таком случае она, видимо, живет не очень далеко отсюда. Однако вафли могли быть предназначены и для товарища, которого видел месье Семброн.
- Разыскивать дальше?
- Обязательно.
- А сейчас куда вы идете, шеф?
- Хочу заглянуть туда.
- У него не было определенного плана. Просто хотелось осмотреть еще раз место, где был убит Луи Туре. Ведь это произошло совсем недалеко.
- Если бы я мог найти ту женщину! - вздохнул Неве.
- А Мегрэ желал бы найти того мужчину, который сел на лавку, жестом попросив разрешения у месье Луи, когда тот разговаривал с бухгалтером. Поэтому-то комиссар просматривал одну за другой лавки. На какой-то из них он увидел старого бродягу с литровой бутылкой, наполненной до половины красным вином, но, вероятно, не о нем шла речь. А чуть подальше провинциалка ждала, пока муж выйдет из туалета. Тем временем она отдыхала, вытянув опухшие ноги.
- Послушай, Неве, на твоём месте я занялся бы не столько магазинами, сколько людьми на лавках.
- В начале своей карьеры Мегрэ очень интересовался жизнью улицы и поэтому знал, что каждая лавка имеет своих завсегдатаев.
- Хотите, чтобы я сделал облаву?
- Только не это! Просто подсаживайся к людям на скамейках и завязывай знакомство.

- Хорошо, шеф, вздохнул Неве, которого такая перспектива не очень захватывала, так как он больше любил двигаться. Неве и в голову не пришло, что комиссар с радостью поменялся бы с ним ролями.

Глава 4

ПОХОРОНЫ ПОД ЛИВНЕМ

Мегрэ вызвал Люка и спросил:

- Нет сведений об Альбере Жорисе?

- Пока нет...

Приятель Моника Туре не вернулся вчера домой, не явился утром на работу, а также не пришел в кафе на Севастопольском бульваре, где всегда обедал с ней.

Люка вместе со служащими железнодорожных вокзалов, жандармами и дежурными на постах руководил розыском юноши. А Жанвье в обществе четырех коллег ходил по железо-скобяным лавкам, надеясь найти продавца ножа. Сантони был занят Моникой, полагая, что Альбер Жорис попытается встретиться с ней или передать о себе весточку.

- Неве не звонил?

- Полчаса назад звонил. Будет звонить еще.

- Лапуэнт ничего не нашел?

- Пока молчит.

Лапуэнт проверял меблированные комнаты. Должен же где-то месье Луи менять башмаки.

Вчера семья Туре поручила похоронному бюро забрать тело. Похороны назначены на следующий день.

Вскоре позвонил Неве:

- Я нашел троих, среди них одну старуху. Она много времени проводит на бульваре и вспомнила Туре. Все твердит одно и то же: был очень милым, приветливым, компанейским человеком. Старуха утверждает, что он ходил на площадь Республики. А еще говорит: "Он кого-то ждал. Когда тот появлялся, они уходили вместе..."

- Ищи дальше, - приказал Мегрэ.

Потом он сел в машину и велел ехать в Жюви. В доме Туре свет горел на кухне и в комнате в мансарде. Звонок не работал: его отключили в знак траура. Но кто-то услышал шаги Мегрэ, и дверь открылась. Комиссар увидел незнакомую женщину, похожую на мадам Туре.

- Комиссар Мегрэ, - сказал он.

Женщина заглянула на кухню:

- Эмилия!

- Слышу. Пригласи.

В узком коридоре пахло цветами и восковыми свечами. Несколько человек ели за столом в кухне.

Моника подумала, что Мегрэ пришел расспрашивать ее об Альбере Жорисе, и окаменела от страха.

- Вы пришли на похороны, месье комиссар? - спросила Эмилия.

- Да.

Моника не шевельнулась, но вздохнула с облегчением.

- Думаю, что мадам знает большинство людей, которые будут на похоронах. Я хотел бы, чтобы вы мне дали знать, если найдется кто-нибудь, чье присутствие окажется неожиданным.

- Вы думаете, что придет убийца?

- Я ничего не думаю. Я ищу.

Комиссар еще раз извинился за беспокойство и вышел.

- На работу, шеф? - спросил водитель.

- Нет. Домой.

На рассвете, часа в три или четыре, пошел дождь, и Мегрэ слышал сквозь сон, как в водосточных трубах лилась вода.

Утром Мегрэ с трудом нашел такси и хорошенько вымок.

- На набережную Орфевр.

Здесь Мегрэ ждал прихода Неве. Комиссар хотел иметь его под рукой, поскольку инспектор знал в лицо многих с участка Сен-Мартен.

- Жорис все еще не объявился? - спросил он Люка.

Мегрэ почему-то был убежден, что юноша не выезжал из Парижа.

- Тебе придется поинтересоваться его приятелями и вообще всеми, у кого он бывал за последние годы.

- Я уже взялся за это.

Прибыл Неве.

- Что и говорить, прекрасная погода, как раз для похорон! - прокричал он еще с порога. - Может, там будут машины?

- Наверняка нет.

Без десяти десять они были уже около дома Туре.

Люди, держа в руках раскрытые зонтики, стояли на тротуарах.

Некоторые входили в дом, ненадолго останавливались в комнате, где лежал покойник, и выходили с грустными и сосредоточенными лицами. Собралось около пятидесяти человек. Кое-кто искал укрытия на порогах соседних домов. Соседи караулили у своих окон, чтобы выйти из дому в последнюю минуту.

Сначала прибыл катафалк. Потом появился, бодро ступая под зонтом, кюре. Впереди него нес крест мальчик из хора.

Фыркали кони, семья выстраивалась за катафалком, а дальше становились соседи и приятели. Из-за дождя все двигались беспорядочно. Некоторые пробирались вдоль стен дома - там можно было спрятаться.

- Никого не узнаешь?

Из разыскиваемых не было никого.

- Пошли, Неве.

Дождь провожал их до самого Парижа.

- Куда вас доставить, комиссар?

- В уголовную полицию. А оттуда я поеду на такси в комиссариат.

В коридорах уголовной полиции было сыро, холодно и неуютно. Какой-то тип в наручниках сидел на лавке у двери кабинета комиссара.

- Что слышно, Люка?

- Звонил Лапуэнт из кафе на площади Республики.

Он нашел комнату.

- Комнату Луи?

- Да. Но хозяйка не проявляет желания нам помочь.

- Он просил, чтобы ему позвонили?

- Он просил вас туда приехать.

Мегрэ это нравилось больше, так как сидеть в кабинете в мокрой одежде было не очень приятно. Он снова сел в черный автомобиль и через несколько минут уже входил в кафе на площади Республики. Возле печки сидел Лапуэнт.

- Где это?

- Недалеко. Я попал туда совершенно случайно. Это не гостиница, а дома вообще нет в наших справочниках.

- Ты уверен, что это там?

- Вы сами увидите. Я переходил улицу Ангулем и увидел в окне объявление: "Сдается квартира". Это маленький домишко в три этажа. Я позвонил и попросил показать комнату. Хозяйка - изрядно потрепанная рыжая женщина, когда-то, может, и красивая, но теперь бесцветная, с редкими волосами. "Это для вас?" - спросила она, прежде чем открыть дверь. - Вы один?" Я услышал, что на втором этаже гроыхнула дверь. Потом увидел, как над перилами наклонилась красивая девушка в пеньюаре.

- Притон, что ли?

- Почти. Я готов поклясться, что хозяйка с этим миром знакома. "Хотите нанять на месяц? Где вы работаете?" Она привела меня на третий этаж в прилично меблированную комнату с окнами, выходящими во двор.

В комнате еще пахло женщиной. "Кто вам дал мой адрес?" - "Один мой приятель, который живет у мадам". - "Кто это?" - "Месье Луи". Я понял, что она его знала.

Хозяйка изменилась в лице, голос стал другим. "Такого я не знаю, - бросила она сухо. - Вы привыкли возвращаться поздно?" Женщина явно старалась избавиться от меня. Но я тянул и дальше с невинным видом:

"Понимаете, это мой приятель, может, он сейчас здесь.

Он днем не работает и поднимается поздно". - "Вы берете комнату или нет?" - "Беру, но..." - "Оплата вперед". Я достал из кармана кошелек. Словно нечаянно вынул фотокарточку месье Луи. "О, прошу! Снимок моего приятеля". Она едва бросила взгляд. "Не думаю, что мы сможем договориться", - заявила она, направляясь к двери. "Но..." - "Если вам не трудно, прошу спуститься вниз, а то у меня обед пригорит". Я уверен, что она его знает.

- Пошли! - сказал Мегрэ.

Хотя идти было недалеко, они сели в машину. Возле дома остановились.

- Кто там?

- Из уголовной полиции.

- Что случилось? Я так и думала, что этот сумасброд задаст мне хлопот! - бормотала она под нос, бросая злые взгляды на Лапуэнта.

- Почему вы не признались, что месье Луи был вашим жильцом?

- Чего месье, собственно, хочет?

Мегрэ тоже вынул фотокарточку Луи:

- Вы его знаете, правда?

- Да. В конце концов, вы бы все равно об этом узнали.

- С какого времени он жил здесь?
- Два года, а может, немного больше.
- Их у вас много?
- Жильцов? Дом слишком просторный для одинокой женщины.
- Сколько же?
- В настоящее время - три.
- И одна комната свободна.
- Да.
- Что вам известно о месье Луи?
- Это был спокойный человек, не причинял никаких хлопот. Поскольку работал ночью...
- Мадам знает, что он работал ночью?
- Я об этом у него не спрашивала, он уходил вечером и возвращался утром. Сон у него был короткий.

Я часто говорила ему, что надо больше спать, но, оказывается, все ночные работники такие.

- Много людей ходило к нему?
- Прежде всего, какое у вас звание?
- Комиссар.
- Ага. Понимаю. А то ваши коллеги из полиции нравов создают у меня... - Тут она ввернула такое словцо, что Лапуэнт густо покраснел. - Мне известно, что он убит. Но больше ничего не знаю.

- Как он называл себя?
- Месье Луи, вот и все.
- Он принимал у себя смуглую женщину средних лет?
- Красивая женщина. Ей около сорока.
- Часто она приходила?
- Три или четыре раза в неделю.
- Вам известно ее имя?
- Ее звали Антонией.
- Знаете ее адрес?
- Я им не интересовалась.
- Другие квартиранты - женщины?
- Да.
- Он никогда не вступал с ними в связь?
- Любовную? Если речь идет об этом, то нет.
- Он бывал у них?
- Месье Луи разговаривал с ними. Иногда они стучали к нему, чтобы попросить огня, сигарету или газету.
- А кто еще бывал у него?
- Недавно кто-то о нем спрашивал несколько раз.
- Молодая девушка?
- Да. Она наверх не поднималась. Просила меня передать, что ждет его.
- Она назвалась?

- Моника. Стояла в коридоре и не хотела даже зайти в гостиную.
- А он вышел к ней?
- Первый раз месье Луи тихо перешептывался с ней, потом она ушла. Иногда выходили вдвоем.
- Он не говорил вам, кто она такая?
- Нет.
- Кто еще навещался к нему?
- Еще кто-то приходил. Какой-то юноша. Он у месье Луи сидел минут десять.
- Давно это было?
- В августе. Помню, было жарко. А как-то они пришли вместе. Поднялись вместе. Но юноша вскоре ушел.
- Это все?
- Мне кажется, что и этого много. Месье пожелает подняться на третий этаж?
- А как же!..

Глава 5

ВДОВА ПОЛИЦЕЙСКОГО

Мебель, которая стояла в комнате, видимо, была куплена с торгов. Сделана солидно, из орехового дерева.

Бросался в глаза огромный шкаф с зеркалом.

- Кто тут убирал?

- Месье Луи убирал постель сам, вытирал пыль. Раз в неделю я мыла пол.

В комнате был образцовый порядок; каждая вещь стояла на своем месте, и на мебели не видно было ни пылинки.

Кресло месье Туре стояло у окна. Рядом, на круглом столике, - оправленная в рамку фотография сорокалетней смуглой женщины. Портрет совпадал с описанием мадам Антонии, сделанным продавцом ювелирного магазина.

- Это она к нему приходила?

- Да.

Кроме двух пар носков и нескольких галстуков, здесь не было никаких личных вещей убитого.

Мегрэ подвинул кресло к шкафу с зеркалом. Верх шкафа был покрыт толстым слоем пыли, на котором ясно оттиснулся след какого-то предмета: большого конверта или книги.

- У него был ключ от комнаты?

- Был, но, уходя, он оставлял его у меня.

- Другие квартиранты поступают так же?

- Нет. Но он говорил, что теряет все и желал бы оставлять ключ у меня.

Мегрэ вынул из рамки снимок мадам Антонии.

- У вас есть телефон?

- Бастилия, 22-51.

- Ваша фамилия?

- Мариэтта Жибон.

- Благодарю.

Под непрекращающимся проливным дождем Лапуэнт и Мегрэ вскочили в машину.

- Доезжай до угла улицы, - сказал Мегрэ водителю и, обращаясь к Лапуэнту, велел:

- Вернешься назад.

В комнате на шкафу я оставил трубку.

- Умышленно?

- Да. Потом вернешься ко мне.

Сам Мегрэ тотчас бросился к телефону и связался с уголовной полицией.

- Это ты, Люка?.. Немедленно наладь прослушивание номера Бастилия, 22-51.

Пока Мегрэ давал указание Люка, вернулся Лапуэнт.

- Вот ваша трубка, шеф.

- Ты не поймал ее за телефонным разговором?

- Не знаю. Она говорила с двумя женщинами.

- Хорошо. Увидимся у себя сегодня после обеда.

Комиссар назвал водителю адрес Леонии, улицу Клиньянкур. По дороге прихватил коробку шоколада. И только вошел в лавку, протянул коробку Леонии.

- Для вашей матери, - сказал он.

- Вы и о ней подумали?

- Я хочу показать вам эту фотографию.

Леония взглянула на нее и сразу же ответила:

- Это мадам Машер!

Мегрэ почувствовал удовлетворение.

- Откуда вы знаете?

- Она работала у Каплана. Правда, недолго, около семи месяцев. Это жена полицейского, я ее хорошо помню.

- Почему она оставила работу?

- Насколько мне известно, ей должны были сделать операцию.

- До свидания.

- До свидания, месье Мегрэ.

Комиссар выскочил из лавки.

- В городскую полицию.

Мегрэ зашел в отдел кадров и спросил о Машере.

Через несколько минут он узнал, что полицейский Машер погиб два года назад при каком-то уличном ограблении. Он жил тогда на аллее Домениль. Вдова получила пенсию. Детей у них не было.

Мегрэ записал адрес. Чтобы сэкономить время, позвонил Люка.

- Она никуда не звонила?

- Пока еще нет.

- И ей никто не звонил?

- Звонили, но не ей - девушке Ольге...

Мегрэ поехал на аллею Домениль. Это был неказистый дом около станции метро. Когда Мегрэ позвонил, слышались шаги. Женщина смущенно посмотрела на Мегрэ.

- Прощу, комиссар.

Она выглядела так, как на фотографии, и так, как описал ее продавец ювелирного магазина: высокая, сильная, спокойная и сдержанная.

- Прошу сюда...

- Я пришел, чтобы поговорить о Луи.

- Я этого ждала.

- Вы дружили с Луи?

- Он меня очень любил. В семейной жизни он никогда не был счастлив.

- Вы не пытались узнать, чем он занимался?

- Нет. Я не дошла до того, чтобы его расспрашивать...

- Он не рассказывал о своей жене и дочери?

- Часто о них говорил.

- Что именно?

- Его игнорировали дома... Укоряли, что он всю жизнь довольствуется ничтожной должностью кладовщика.

- Где вы с ним бывали?

- Почти всегда в кафе на улице Сент-Антуан.

- Вы любите вафли?

Женщина покраснела:

- Откуда тебе это известно?

- Он покупал вафли...

- Это уже потом, когда...

- Когда вы начали бывать у него?..

- Да. Ему хотелось, чтобы я увидела, где он проводит свое время. Называл комнату норой и очень гордился ею.

- Он не говорил, зачем нанял комнату в городе?

- Чтобы иметь уголок для себя хотя бы на два часа в день.

- Итак, вы стали его любовницей?

- Я бывала у него часто.

- Он делал вам ценные подарки?

- Полгода назад он купил мне серьги, а недавно - кольцо. Вот оно. Луи был очень добр и отзывчив. Ему нужно было утешение. Думайте, что хотите, а я была для него прежде всего другом, его единственным другом и советчицей.

- Он сюда приходил когда-нибудь?

- Никогда. Из-за консьержки и соседей. Иначе на весь район разнеслись бы сплетни.

- Вы виделись с ним в понедельник?

- Да.

- В какое время?

- Сразу после обеда.

- Вы знали, где его можно застать?

- Я назначила ему свидание.

- По телефону?

- Нет. Я никогда ему не звонила. Мы заранее договаривались.

- Где вы встречались?
- Почти всегда в нашем кафе, а иногда на углу улицы Сен-Мартен и бульваров.
- Он не опаздывал?
- Никогда. В понедельник было холодно и пасмурно.

И мы пошли в кино.

- На бульваре Бон-Нуvielь?
- И об этом месяе знает?
- В котором часу вы расстались?
- Около четырех часов, за полчаса до его смерти, если то, что написано в газетах, правда.
- Вы не знаете, он договаривался еще о какой-нибудь встрече?
- Луи мне ничего не говорил.
- Не рассказывал вам о своих приятелях, о людях, с которыми связан?

Женщина отрицательно качнула головой.

- Луи никогда не говорил о разводе, чтобы жениться на вас?
- Он слишком боялся жены.
- И дочери тоже?
- Дочь он любил. Для нее сделал бы все. Тем не менее думаю, что он в ней немного разочаровался.

- Почему?

- Это только мое впечатление.

- Он здорово сорил деньгами?

- Да, не скупился. Жил в достатке. Если бы я ему разрешила, засыпал бы меня подарками, всякой мелочью, которая попадалась ему в витринах.

- Никогда его не видели на скамейке?

- На скамейке? - Она заколебалась. - Единственный раз, когда я шла утром на рынок. Он разговаривал с каким-то худошавым мужчиной, произведшим на меня странное впечатление.

- Почему?

- Потому что тот был похож на циркового шута или какого-то комика, только что снявшего грим. Я не присматривалась к его лицу. Заметила только, что башмаки у него были стоптаны, а брюки измяты и поношены.

- Вы спросили месяе Луи, кто это был?

- Он ответил, что на скамейках бывают всякие люди...

Выйдя от нее, Мегрэ велел везти себя на набережную Орфевр.

Он не зашел сразу в свой кабинет, а направился в отдел полиции нравов.

- Знаете такую Мариэтту или Марию Жибон? Я хотел бы заглянуть в ее карточку.

- Молодая?

- Лет пятьдесят.

Инспектор придвинул ящик с пожелтевшими и запыленными карточками. Искать пришлось недолго. Девушка по фамилии Жибон, родом из Сен-Мало, с одиннадцати лет фигурировала в этой картотеке. Ее дважды задерживали за кражу.

- Сидела?

- Выпустили за отсутствием доказательств.

- А позже?

- Подождите, пожалуйста. Я возьму другой ящик.

Инспектор нашел ее следы в самой новой картотеке, но и та была десятилетней давности.

- Перед войной она была массажисткой на улице Мортир. Тогда она жила с неким Натали, приговоренным к десяти годам заключения за убийство.

- Натали на свободе?

- Умер.

Эти сведения, собственно, ничего не давали.

- А теперь?

- Не знаю. Может, и она умерла...

- Не умерла.

- Очевидно, взялась за ум.

- Она сдает меблированные комнаты на улице Ангулем, но не зарегистрировалась в департаменте надзора за гостиницами. У нее проживают девушки, но я не думаю, чтобы они промышляли дома.

- Понимаю.

- Надо проследить за ее домом и получить сведения о живущих там.

- Сделаем.

- Неплохо было бы также, чтобы этим делом заинтересовался кто-нибудь из ваших. Люди из моей команды не знают этой компании.

- Ясно.

Как только Мегрэ вошел в свой кабинет, дверь открыл Люка.

- Что слышно?

- Это не касается телефонного разговора. Но сегодня утром произошел несчастный случай. Какая-то мадам Жевенар, проживающая со своим племянником на улице Гей-Люсак, вышла из дому. Когда она возвратилась обратно и открыла кладовую, чтобы положить продукты, заметила, что исчезла колбаса. Два часа назад колбаса там висела. Потом под кроватью племянника обнаружила чужой носовой платок и крошки хлеба.

- Что делает племянник?

- Его зовут Губерт. Он студент. Поскольку тетушка не богата, работает продавцом в книжном магазине. Вы понимаете?

- Альбер Жорис дружит с ним?

- Да. Это Жорис уговорил Губерта спрятать его на несколько дней в своей комнате.

- Под каким предлогом?

- Вроде бы поругался с родителями, а отец был такой злой, что мог убить его.

- Он провел двое суток под кроватью?

- Только одни сутки. Первую ночь блуждал по улицам. Мальчишка, видимо, снова бродит по городу.

- У него есть деньги?

- Губерт этого не знает.

- Ты звонил на вокзалы?

- Все готово, шеф. Я буду удивлен, если до завтрашнего утра его не приведут к нам.

- Сантони в кабинете?

- Я не видел его с утра.
- Напиши ему записку, чтобы завтра с утра дежурил у входных дверей фирмы "Жебер и Башелье". Когда придет мадемуазель Туре, пускай проводит ее ко мне.
- Сюда?
- Да, в мой кабинет...

Глава 6

ПРОСИТЕЛИ

- Что она делает?
- Ничего. Сидит вытянувшись, задрала голову и глядит прямо перед собой.

Мегрэ шел в другой отдел и поглядел на Монику издалека. Она неподвижно сидела в уголке. На том же месте он застал ее и полчаса спустя, когда возвращался в свой кабинет.

Телефон на улице Ангулем упорно молчал. Неве, поочередно с коллегой следивший за домом, не заметил ничего особенного.

Что касается Альбера Жориса, то было известно, что на второй день, в шесть часов вечера, он еще находился в Париже. Постовой Дамбун, который, как и все полицейские, получил описание парня, заметил его на углу площади Клиши и бульвара Батиньоль, когда тот вышел из бара. Жорис нырнул в толпу и затерялся. Хозяин закусочной заявил, что его посетитель по телефону не звонил, съел пять крутых яиц с булочкой и выпил три стакана кофе. Наверно, очень проголодался.

Оставался еще нож. Утренней почтой получили письмо от фирмы, которая изготавливает эти ножи. Указывалось, что согласно номеру, выбитому на колодке, нож, найденный на бульваре Сен-Мартен, был среди товаров, отправленных четыре месяца назад оптовику в Марселе.

- Что мне делать, шеф? - спросил Жанвье.

- Предупреди Марсель. Затем возьми с собой Мерса или кого-нибудь другого из лаборатории и топайте на улицу Ангулем. Пускай Мере снимет все отпечатки пальцев. Не забудьте осмотреть верх зеркального шкафа.

Все это время Моника ждала.

Без четверти одиннадцать Мегрэ сказал наконец:

- Пригласите ее.

Он встретил Монику стоя.

- Поскольку мне хочется поговорить с вами серьезно, - оправдывался он, - я должен был сначала решить неотложные дела.

- Понимаю.

- Пожалуйста, садитесь.

Она присела, поправила волосы и положила сумку на колени. Мегрэ занял свое место, взял трубку и, прежде чем ее прикурить, пробормотал:

- Вы разрешите?
- Мой отец курил.
- Я хотел бы, разумеется, поговорить с вами об отце.

Она кивнула.

- А также о вас... Вы очень любите мать, Моника?

Комиссару хотелось вести допрос вежливо и свободно, поэтому он обращался к ней добродушно, стараясь вызвать на откровенный разговор. Однако первый же ее ответ перечеркнул все планы Мегрэ.

Спокойно, словно это было совсем естественно, она бросила:

- Нет.
- Хотите сказать, что вы не сходитесь характерами?
- Ненавижу ее.
- Почему?

Она слегка пожала плечами:

- Месье был у нас дома, видел ее.
- Что вы имеете в виду?
- Моя мать думает только о себе. Жалуется на судьбу.

Видите ли, замужество не принесло ей такого же положения, как ее сестрам. А перед людьми хвастается, будто у нее приличное состояние и полный достаток.

Мегрэ едва сдержал улыбку.

- А отца вы любили?
- Он был бедным человеком.
- Как это понимать?
- Он ничего не делал, чтобы изменить тот образ жизни, какой мы вели. Что касается меня, то я уже давно думаю лишь о том, как бы уехать.
- Вы выходите замуж?
- Независимо от этого. Лишь бы только уехать.
- Когда вы собираетесь это сделать?
- Скоро.
- Своих поставили в известность?
- Зачем?
- Уехали бы, не сказав ничего?
- А почему бы и нет? Разве это их беспокоит?

Комиссар глядел на девушку все с большей заинтересованностью и временами даже забывал потягивать трубку.

- Когда вы узнали, что отец уже не работает на улице Бонди? - спросил он напрямик.

Он полагал, что вопрос застанет ее врасплох, но ошибся. Видимо, она предвидела его и заранее приготовила ответ. Только этим можно было объяснить ее поведение.

Приблизительно три года назад, кажется, в январе. Был мороз. Фирма "Каплан" ликвидировалась в конце октября. В январе и феврале отец не искал работы.

Наступило время, когда он совсем запутался с деньгами. Тогда он осмелился, хотя и неохотно, занять их у Леонии и старого бухгалтера.

- Отец сам сказал вам об этом?
- Нет. Это произошло иначе. Мне случайно пришлось попасть к парикмахерше, которая жила в том же доме, где работал отец. Я зашла во двор. Уже темнело, а там света не было. Удивленная, я обратилась с вопросом к консьержке и узнала, что фирма "Каплан" уже не существует.
- Вы сказали об этом матери?
- Чет.

- А отцу?
- Он не сказал бы мне правды.
- Вы следили за ним?
- Да. Не сразу, так как у меня не было удобного случая, а где-то двумя днями позже. Под предлогом срочной работы в конторе я выехала утренним поездом и ждала его на вокзале.
- Что он делал в этот день?
- Заходил в несколько контор. Потом пошел в редакцию какой-то газеты, чтобы прочитать объявления. Я сообразила, что он ищет работу...
- А между тем ваш отец в конце каждого месяца приносил зарплату...
- Это меня, собственно, и удивляло. Все время я ждала, что он придет с пустыми руками. Отец же, наоборот, однажды заявил матери, что просил повышения зарплаты и получил его.
- Когда это было?
- Уже позже. Примерно в августе.
- И вы сделали вывод, что отец нашел работу?
- Да. Я хотела убедиться в этом и снова за ним проследила. Но он, как и раньше, не работал. Слонялся, сидел на лавках. Я думала, что у него выходной день, и спустя две недели снова пошла за ним. На этот раз он заметил меня на Больших бульварах. Поблуднев, заколебался и в конце концов подошел ко мне.
- Он заметил, что вы за ним следили?
- Вряд ли. Мне пришлось пояснить, что я забрела сюда случайно. Он пригласил меня выпить кофе с молоком на террасе кафе и признался мне.
- Что он рассказал?
- Мол, фирму "Каплан" ликвидировали, и он очутился на улице, велел ничего не говорить матери, чтобы ее не беспокоить, уверял, что скоро найдет другое место.
- Отец добавил, что пока работает страховым агентом, а поэтому у него есть свободное время.
- Почему он этого не сказал дома?
- Конечно же из-за матери. Она презирает людей, которые обивают чужие пороги, - не важно, продают ли они пылесосы или предлагают страховые полисы. Обзывает их ничтожествами и нищими. Узнай мать, что ее муж на такой работе, она почувствовала бы себя униженной и отравила бы ему жизнь.
- Вы поверили отцу относительно страхования?
- Поначалу.
- А потом?
- Я уже не была уверена.
- Почему?
- Прежде всего потому, что он зарабатывал много денег.
- Так много?
- Через несколько месяцев отец заявил, что его назначили заместителем директора в той же фирме "Каплан" и что он снова получил надбавку.
- Вы еще когда-нибудь обедали вместе?
- Да. Он говорил со мной шепотом. А в ресторане предлагал самые дорогие блюда, потом пригласил сходить в кино.
- Он носил желтые башмаки?

- Однажды. И тогда я спросила у него, где он переобувается. Отец пояснил мне, что ему по работе пришлось нанять комнату в городе.

- Он дал свой адрес?

- Не сразу. Он все долго держал в секрете.

- Когда вы познакомились с Альбером Жорисом?

Девушка ждала и этого вопроса.

- Почти пять месяцев назад.

- Вы его любите?

- Мы собираемся уехать вместе.

- Чтобы пожениться?

- Да. Сейчас он не может на мне жениться. Он еще несовершеннолетний. Нужно согласие родителей.

- А они не дали бы согласия?

- Наверно...

- Почему?

- Потому что Альбер не имеет средств к существованию.

- Куда вы намеревались уехать?

- В Южную Америку. Я уже подала заявление на паспорт.

- Имеете деньги?

- Немного. У меня кое-что остается от зарплаты.

- Когда вы впервые попросили денег у отца?

- И это вам известно?

- Откуда вы узнали о квартире отца в Париже?

- Нашел Альбер.

- Следил?..

- Да. Мы вдвоем мучились над тем, каким образом отец зарабатывает такие деньги. Решили, что Альбер будет держать его под наблюдением.

- И что он открыл?

- Первое, что отец имел комнату на улице Ангулем.

Дальше, что он совсем не занимается страхованием, а бродит по Большим бульварам и часами просиживает там на лавке. В конце концов...

- Что в конце концов?

- Он имел любовницу.

- Вы видели ее?

- Альбер показал мне место, где они встречались.

- На бульваре Сент-Антуан?

- Да. В кафе. Я будто нечаянно зашла туда и заглянула в зал. Долго не могла разглядывать ее, но пришла к выводу, что она так же несимпатична, как и моя мать...

- А потом вы пошли на улицу Ангулем?

- Да.

- Угрожали ему?

- Нет. Я притворилась, будто потеряла конверт с послеобеденной выручкой и что меня выгонят с работы, если не найду денег. И еще прибавила, что меня будут считать воровкой.

- Как он отнесся к этому?

- Кажется, забеспокоился.

- Альбер тоже был у отца?

- Я боюсь за Альбера.

- Вам известно, куда он исчез?

- Нет. Альбер убежден, что его обвинят в убийстве.

- Почему?

- Потому что он ходил на улицу Ангулем...

- Какие у вас доказательства, что не он убил отца?

- Зачем ему это было делать? - А потом сказала спокойным тоном:

- Я могла бы взять у отца столько денег, сколько нам захотелось бы.

- А если бы отец отказал?

- Не отказал бы. Достаточно было Альберу погрозить рассказать обо всем матери.

- Вы не виделись с отцом в день его смерти?

- Нет.

- А Альбер?

- Я почти уверена, что нет. У нас ничего не предвиделось на тот день. Пообедали вместе, как всегда. Альбер не вспоминал ни о чем.

- Вам известно, где отец прятал деньги?

- Он держал их в своей комнате в Париже.

- На самом верху зеркального шкафа?

- Откуда это вам известно?

- А вам?

- Когда я как-то зашла просить у него денег, он встал на стул и снял со шкафа конверт, в котором лежали тысячефранковые банкноты.

- Много?

- Приличная пачка.

- Альбер об этом знал?

- Это не повод, чтобы убивать. Я уверена, что он этого не сделал бы.

- Значит, Альбер и вы шантажировали отца с тем, чтобы получить деньги для побега в Америку.

Моника не шелохнулась.

- И как ни присматривались, так и не узнали, откуда у отца появились деньги?

- Мы не очень старались.

- Понимаю, важны лишь результаты. Я очень хотел бы увидеться с Альбером.

- Будь это в моих силах, он был бы здесь завтра утром. Глупый. Я уверена, что прячется где-то и дрожит от страха. Я могу идти?

- Не смею задерживать вас.

Чуточку позже Мегрэ вспомнил, что забыл спросить Моника об одной детали. Он позвонил в контору фирмы "Жебер и Башелье".

- Я хотел бы поговорить с Моникой Туре.
- Минуточку. Кажется, она только вернулась.
- Алло! - прозвучал голос Моники.
- Не радуйтесь. Это не Альбер, а комиссар. Я забыл задать вам один вопрос. Кто из вас хранит деньги?

- Я.

- Где?

- Здесь. У меня есть сейф.

- А у него есть деньги при себе?

- Если и есть, то очень мало.

- Благодарю. Это все.

Люка подал ему знак, что кто-то просит его к другому телефону. Мегрэ узнал голос Лапуэнта.

- Звонишь с улицы Ангулем? - удивился комиссар.

- Нет, от Мареты. Из пивной на углу.

- Что нового?

- Не знаю, сделано ли это умышленно, но я хотел вас предупредить. Комнату мы застали убранной. Пол и мебель натерты, вещи вычищены.

- А шкаф сверху?

- Тоже. Мне показалось, что баба поглядывает на меня насмешливо. Я спросил, когда убрали. Она ответила, что уборщица была вчера.

- Где Мере?

- Еще наверху. Он рассматривает, не остались ли где-нибудь отпечатки пальцев, но пока ничего не нашел.

Уборщица хорошо управилась.

- Спроси фамилию и адрес этой уборщицы и найди ее. Пусть она тебе расскажет, как это случилось, кто ей велел убирать и кто был в комнате, когда она работала.

- Понял.

- Мере может возвращаться.

Отдав распоряжение, Мегрэ вышел из кабинета и в приемной наткнулся на возбужденного Неве. Тот стоял возле стула, на котором сидел тщедушный и бледный человек неопределенных лет. Мегрэ вроде бы где-то видел его. Ему даже показалось, что он хорошо знаком с ним, но не смог припомнить фамилии...

- Хочешь сначала поговорить со мной? - спросил он инспектора.

- Нет, было бы большой небрежностью оставлять этого ловкача хоть на минуту без опеки.

Только тогда Мегрэ заметил, что на человеке наручники.

Комиссар открыл дверь кабинета. Арестованный пошел за ним, прихрамывая на одну ногу. От него несло спиртным. Неве вошел следом, закрыл дверь на ключ и снял наручники.

- Узнаете его, шеф?

Мегрэ все еще не мог вспомнить фамилии, но вдруг лицо его просияло. Человек был похож на циркового шута, который только снял пудру и грим. Щеки у него как резина, а большой растянутый рот придавал лицу горькое и одновременно потешное выражение.

Кто же говорил ему о шуте? Ага, кажется Леония и старый бухгалтер? Во всяком случае, кто-то из них видел месье Луи в компании этого человека на лавке бульвара Сен-Мартен.

Глава 7

МАГАЗИН НЕПРОМОКАЕМЫХ ПЛАЩЕЙ

- Джефу Шрамеку, по прозвищу Фред Клоун или Акробат, шестьдесят три года, родом он из предгорного района Риксвира.

Возбужденный успехом, инспектор Неве так отрекомендовал своего клиента, словно объявлял цирковой номер.

Еще мальчиком Шрамак начал выступать в цирке, который разъезжал по Эльзасу и Германии. Позже, в Париже, если Джеф не сидел в тюрьме за кражу со взломом, то выступал клоуном на базарных площадях.

- Не думал я, - усмехнулся Неве, - что он на старости лет поселится в моем районе.

Фред Клоун был из тех незаметных людей, которые часами просиживают на скамейках, глядят на прохожих и кормят голубей. Лицо у него серое, несчастное, словно он уже ни на что на этом свете не рассчитывает.

- Ты голоден? - обратился Мегрэ к Неве. - Иди перекуси. Может, тебе придется скоро меня подменить.

- Ладно, шеф.

Неве ушел.

- Теперь поговорим с глазу на глаз! Ты знаешь, почему тебя привели сюда?

Фред прикинулся дурачком:

- Всегда хватают одних и тех же. Мне это напоминает старые добрые времена. Сколько уже лет я не был здесь?

- Твой приятель Луи убит. Не притворяйся удивленным. Ты прекрасно знаешь, о ком идет речь. Точно так же хорошо понимаешь, что тебя можно обвинить в убийстве.

- Это была бы еще одна судебная ошибка.

- Я хочу все же разъяснить твое положение. Несколько свидетелей видели тебя в компании месье Луи.

- Это очень порядочный человек.

- Не важно. Вы познакомились с ним около двух с половиной лет назад. Тогда месье Луи был безработным, бедствовал и жил как собака.

- Я знаю, что это значит, - вздохнув, сказал Джеф. - А от беды не отделаешься сразу.

- На что ты жил тогда, не знаю. Болтался от скамейки к скамейке. Иногда ставил несколько франков на гонках, имел кредит в пивнушках. Что касается месье Луи, то он занимал деньги по крайней мере у двух человек.

- Это только доказывает, что на свете существуют бедняки.

Мегрэ терпеливо продолжил:

- Теперь вы оба стали богатыми. Следствие это докажет обстоятельно, с датами.

- Я никогда не забывал дат.

- У меня есть достаточно доказательств, что вы с месье Луи нашли способ добывать деньги, и притом хорошие деньги. Впрочем, нерегулярно.

- Хотел бы я знать этот способ.

- Сейчас ты перестанешь смеяться. В субботу ты имел денег по горло, но промотал все за несколько часов.

В понедельник после обеда в темном переулке возле бульвара Сен-Мартен убит твой сообщник.

- Это большая потеря для меня.

- Ты уже стоял перед судом присяжных?

- Только перед уголовным. Несколько раз.

- Так вот, каждый из них согласится, что ты единственный, кто знал все тропки месье Луи и был заинтересован в его смерти.

- В таком случае они олухи.

- Это все, что я хотел тебе сказать. Уже половина первого. Мы вдвоем в моем кабинете. В час придет судья Комельо, и я отправлю тебя к нему на исповедь.

Фред Клоун вздохнул:

- Не найдется ли у вас чего-нибудь выпить?

- Будешь говорить?

- Еще не знаю. Я сейчас только обдумываю, есть ли у меня что сказать.

Мегрэ вынул из стенного шкафа бутылку коньяку, которая всегда там находилась, и налил немного на дно стакана.

- Ну?

- Задавайте вопросы.

- Где вы встретили месье Луи?

- На скамейке бульвара.

- Как вы познакомились?

- Так, как знакомятся на скамейках. Я заметил, что уже весна, а он ответил, что воздух теплее, чем на прошлой неделе.

- Это было приблизительно два с половиной года назад?

- Почти. Дату я не записал. В последующие дни мы снова встречались на той же скамейке. Он, казалось, радовался, что есть с кем поговорить.

- Сказал, что он безработный?

- Он рассказал мне свою историю. Работал тут двадцать пять лет на одного дельца, а тот без предупреждения закрыл свою контору, и Луи не осмелился ничего сообщить своей жене.

- Он знал, кто ты?

- Я только сказал, что работал в цирке.

- А дальше?

- Что месье, собственно, хочет знать?

- Все. Была кража?

- Что-то более сложное.

- Чья идея?

- Его, очевидно. Я не такой хитрый.

- Дальше.

- Вы знаете на бульваре магазин непромокаемых плащей?

- Конечно знаю.

- Скамейка, на которой все время сидел Луи, стояла напротив магазина. Он как-то невзначай начал приглядываться к жизни хозяина и поведению его работников. Это, собственно, и натолкнуло на одну мысль.

Если целый день нет работы, человек думает и составляет планы, даже такие, о которых знает, что никогда их не осуществит. Однажды, лишь бы провести время, он поделился ими со мной. В том магазине всегда людно. Везде по углам развешаны непромокаемые плащи для мужчин, женщин и детей. Но что интересно, там есть глухой закоулок со двором в глубине. Хотите, я вам нарисую?

- Не теперь. Рассказывай дальше.

- Луи сказал мне: "Я вот думаю, как это может быть, чтобы никто до сих пор не обокрал кассу. Это же так легко!"

- Ты, конечно, наострил уши?

- Я заинтересовался. Он рассказал мне, что самое позднее в четверть первого, когда последние покупатели в магазине обслужены, работники уходят на обед. Так делал и хозяин - маленький старик с бородкой. "Если бы кто-нибудь из посетителей захотел, чтобы его закрыли..." Вы, комиссар, не возражайте. Поначалу я тоже думал, что это невозможно. Однако Луи целыми неделями наблюдал за магазином. Перед обедом продавцы не просматривают закоулки, не ворошат тысячи плащей, чтобы убедиться в отсутствии вора. Вы понимаете, им и в голову не придет, что какой-то посетитель умышленно останется в магазине. В этом весь секрет. Хозяин, уходя, старательно закрывает дверь.

- И ты решил закрыться там? Потом сломал замок, чтобы забраться в кассу.

- Да. Ограбил кассу. Потом пошел в туалет. Рядом с бачком есть окошко, сквозь которое не удалось бы просунуть и трехлетнего ребенка. Но совсем другое дело просунуть через него пачку денег. Окошко выходит во Двор. Луи проходил вблизи и поднял пачку. Я же ждал, пока вернутся продавцы и наберется побольше посетителей, - не хотелось привлечь к себе внимание. Короче, я вышел так же случайно, как и вошел.

- Вы поделились?

- По-братски... Вот и все. Жили мы себе с Луи миленько и ни о чем не жалели. Магазин с непромокаемыми плащами обеспечил нас деньгами почти на три месяца. Сказать искренне, моей доли не хватило на такой срок, но Луи иногда добавлял мне несколько франков. Когда мы увидели, что кончаются деньги, мы сменили магазин.

- Чтобы подготовиться к новому ограблению?

- А поскольку метод себя вполне оправдывал, то не было причин придумывать другой.

- Вы совершили ограбление на прошлой неделе?

- Газеты писали об этом. Магазин готового платья на Монмартре.

- Я полагаю, что в том глухом переулке, где был убит Луи, он ходил поглядеть, есть ли у ювелирного магазина окошко, выходящее во двор.

- Очевидно. Он всегда намечал места, поскольку вид его был солидным, respectable. Меня же люди остерегаются. Даже тогда, когда я одевался как франт, на меня смотрели искоса.

- Кто его убил?

- Вы меня спрашиваете?

- Кому это было нужно?

- Не знаю. Может, его жена?

- А почему жена?

- Потому что она... Если она прониюхала, что он обманывает ее почти два года и имеет приятельницу... Он не познакомил меня, но рассказывал о ней, и я видел ее издали. Он ее очень любил. Луи был человеком, которому требовалась ласка. Мы все такие, правда?

- Она знала его тайну?

- По всей вероятности, нет.
- Ты ходил на улицу Ангулем?
- Никогда.
- Знаешь, где тот дом?
- Он мне его показывал.
- Почему ты не заходил туда?

- Потому что не хотел создавать ему неприятности.

Хозяйка считала его важным и порядочным человеком.

- А если я тебе скажу, что в его комнате найдены отпечатки твоих пальцев?
- Я отвечу, что это шутка.

Он сидел спокойно, только иногда поглядывая на бутылку.

- Хочешь, чтобы тебя обвинили?
- Это было бы несправедливо.
- Кто еще знал?

- Приятель дочери. Он стал следить за Луи, приходил к нему дважды, требовал деньги. Луи панически боялся, что соплик расскажет обо всем его жене или пошлет ей анонимное письмо.

- Ты его знаешь?

- Нет. Знаю только, что он очень молод и до обеда работает в книжном магазине. Луи ждал беды. Твердил, что это не может так долго продолжаться и жена в конце концов узнает правду... Меня это удручало.

- Что?

- Сообщение в газете, что он погиб. Я ведь был недалеко от этого места. Фердинанд может подтвердить, что я пьянствовал у него.

- У месье Луи были при себе деньги?

- Не знаю, но за два дня перед этим мы взяли хороший куш.

- Он держал их в кармане?

- В кармане или в своей комнате. Забавно, что вечером, перед выездом, ему приходилось менять башмаки и галстук. Он сам мне об этом рассказывал.

- Почему ты со вторника не выходил на улицу?

- А что бы вы делали, будучи на моем месте? Когда во вторник утром я прочитал газету, то подумал, что люди видели меня с Луи и сразу же дадут знать полиции.

- Не возникла у тебя мысль выехать из Парижа?

- Просто я был спокоен, надеясь, что полиция про меня забыла. А сегодня утром услышал голос вашего инспектора и понял, что влип.

Мегрэ открыл дверь в соседнюю комнату и сказал Люка:

- Отведи его в тюрьму. Я схожу перекусить.

Спускаясь по ступенькам, Мегрэ услышал внизу шум.

Какой-то молодой человек с растрепанными волосами отчаянно барахтался в объятиях рослого полицейского.

- Утихомиришься ты, наконец?

Так привели к комиссару Альбера Жориса...

ТАЙНА МОНИКИ

- Садись, дубина.

- Я не дубина, - запротестовал Жорис. - Не думал, что комиссар сразу же начинает оскорблять людей, даже не выслушав их.

Мегрэ посмотрел на него, нахмутив брови:

- Обедал?

- Я не голоден, - недовольно проворчал парень.

- Алло! - выкрикнул Мегрэ в трубку. - Прошу меня соединить с пивной "У дофины"... Это ты, Жозеф?.. Говорит Мегрэ... Принеси мне шесть бутербродов.

Он положил трубку и тут же снова попросил соединить его с одним из отделов полиции. При этом он не сводил с молодого человека глаз. Жорис был худощавый, слабый, почти болезненный и очень нервный. Черные длинные волосы. Все время встряхивал головой, отбрасывая их назад.

- Алло! Приостановите розыск Жориса. Сообщите об этом комиссариату и на вокзал.

Парень раскрыл рот, но комиссар не дал ему и слова сказать, пока не заглянул официант из пивной.

- Заходи, Жозеф! Положи бутерброды на стол.

Когда они остались вдвоем, Мегрэ сказал Альберу:

- Ну, будем есть.

Жорис ел жадно, украдкой поглядывая на комиссара.

- Тебе полегчало?

- Благодарю. Но вы назвали меня дубиной.

- Сейчас поговорим и об этом.

- Я шел к вам, а тот ворчун...

- Зачем шел?

- Удостоверить, что не я убил месье Луи Туре.

Мегрэ зажег трубку. Первые капли дождя опять ударили по стеклам.

- Ты представляешь, какие могут быть последствия?

- Я не понимаю, что месье хочет этим сказать.

- Думаешь, мы собирались арестовать тебя? А признаться, у нас есть все основания.

- Вы были на улице Ангулем?

- Откуда это тебе известно?

- Полиции следовало догадаться, что у него была комната в городе. Хотя бы в связи с желтыми башмаками...

Комиссар улыбнулся:

- А дальше?

- Хозяйка, видимо, сказала, что я приходил к нему.

- Разве это основание для ареста?

- Вы допрашивали Монику?

- Представь себе, она засыпала тебя.

- Я бы был удивлен, если бы месье не заставил ее заговорить.

- В таком случае, почему ты сначала прятался под кроватью у своего приятеля?

- И об этом вы тоже знаете?
- Отвечай.
- Я не думал... Мне было страшно... Я боялся, что меня будут бить...
- Почему ты оставил свое убежище?
- Больше не мог сидеть под кроватью. Это было ужасно.
- Это все?
- Я был голоден.
- Чем занимался?
- Болтался по городу. Шел на улицу Ангулем и еще издали заметил человека, который, казалось, кого-то подкарауливал. Я подумал, что это кто-то из полиции.
- Зачем тебе понадобилось убить месье Луи?
- Вы знаете, что я занял у него деньги?
- Это называется - занял?
- Просил, если хотите.
- Просил?
- Что вы хотите этим сказать, месье?
- Просить можно по-разному, между прочим, и так, чтобы тот, у кого просят, не посмел отказать. Это называется шантажом.
- Альбер потупился.
- Отвечай.
- Я бы, однако, ничего не сказал мадам Туре.
- Но ты же угрожал, что расскажешь?
- Не знаю. Мне уже трудно понять ваши вопросы. - И замученным голосом добавил:
- Я падаю от усталости.
- Ты часто к нему заходил?
- Только дважды.
- Моника знала об этом?
- Знала.
- Что ты говорил ему?
- Кому?
- Луи Туре.
- Что мы потребуем денег.
- Кто это такие "мы"?
- Моника и я.
- Зачем?
- Для поездки в Америку.
- Вы признались ему, что хотите уехать?
- Да.
- А он что?
- Согласился, что нам, в конце концов, ничего другого не остается.
- Ты не обещал, что на ней женишься?

- Нет. Он хорошо знал, что это невозможно. Во-первых, я несовершеннолетний и необходимо согласие родителей. Во-вторых, если бы я и решился, то мадам Туре не согласилась бы на такого зятя, без состояния. Месье Туре первый отсоветовал мне обращаться к его жене.

- А что бы вы делали в Южной Америке?

- Мне все равно. Я не боялся. Месье Луи обещал помогать нам. Много денег у него не было, но кое-что он дал мне.

- Где эти деньги?

- У Моника. Она прячет их в своем сейфе.

- А остальные?

- Он обещал дать мне во вторник. Надеялся на большой взнос.

- От кого?

- Не знаю.

- Он не говорил тебе, чем занимается?

- Видимо, не мог.

- Почему?

- Потому что не работал. Мне не удалось узнать, как он доставал деньги. Их было двое.

- Ты видел второго?

- Один раз, на бульваре.

- Высокий, худощавый?

- Да.

- Он был здесь недавно.

- Выходит, вы знаете всю правду.

- Я хочу знать, что известно тебе...

- Я ничего не знаю. Допускаю, что они тоже кого-то шантажировали.

- И подумал, почему бы и тебе не воспользоваться этим?

- Нам нужны были деньги... Ведь Моника ждет ребенка.

Мегрэ снял телефонную трубку:

- Люка? Иди сюда сейчас же.

Когда явился инспектор, Мегрэ сказал:

- Рекомендую - Альбер Жорис. Моника Туре и он ждут ребенка.

Он говорил как можно медленней, и Люка, не зная, что делать, только кивал.

- Пойдешь к девушке в контору и отведешь ее к врачу, к кому сама захочет. Если не назовет ни одного, то отведи ее к врачу префектуры. Я хотел бы знать, когда роды. - И к парню:

- Что дальше будешь делать?

- Вы убедились, что я не убийца?

- Я всегда был в этом уверен. Видишь ли, это не так легко, как представляют себе люди, пихнуть кого-нибудь ножом в спину. А еще тяжелее убить так, чтобы человек и не пикнул.

- Я на это не способен.

- Очевидно. Тебе известно, где месье Луи прятал Деньги?

Комиссар пристально глядел на юношу. Тот ответил не колеблясь:

- На зеркальном шкафу.

- Это там, откуда он брал банкноты, чтобы дать их тебе?

- Да. Я и раньше знал об этом от Моники.

- Полагаю, в понедельник ты не ходил на улицу Ангулем?

- Это легко проверить. Хозяйка может подтвердить.

Мы собрались туда пойти во вторник в пять часов.

- Когда вы хотели уехать в Америку?

- Пароход уходит через три недели. Мы еще имели время получить визы. Заявку на выдачу паспортов мы уже подали.

- Но, кажется, для несовершеннолетних нужно согласие родителей.

- Я подделал подпись родителей.

Снова зазвонил телефон.

- Это вы, шеф?

Услышав голос инспектора Неве, Мегрэ поморщился.

Он не давал ему никакого задания.

- Я нашел спрятанный клад.

- Что ты говоришь?

Он посмотрел на Жориса и прервал инспектора:

- Минуточку. Я перейду к параллельному аппарату. - Комиссар зашел в другую комнату. - Хорошо! Я слушаю.

Где ты?

- В закусочной на набережной Вальми.

- Что ты там делаешь?

- Вы сердитесь?

- Говори дальше.

- Полагаю, я поступил правильно. Уже десять лет, как клоун живет с какой-то Франсуазой. Как мне рассказывали, он к ней очень привязан. Мне захотелось зайти к ней.

- Зачем?

- Меня удивляло, что он оставляет ее без денег. Я имел счастье застать ее дома. У нее всего две комнаты с нишей, которая служит кухней. В комнате стоит железная кровать с медными шарами...

- Рассказывай дальше.

- Я сразу убедился, что она знала, чем он занимается... Она подумала, что его поймали на краже в метро или автобусе. С ним, видимо, такое уже не раз случалось. Не обращая внимания на ее крик, я обыскал помещение. Потом мне пришла мысль отвинтить медные шары на спинках кровати. Свинтил один, второй и во всех четырех я нашел скомканные банкноты. Большие деньги! Вы теперь понимаете, шеф? В прошлую субботу они, видимо, поделили их. Здесь около двухсот пятидесяти тысяч франков. Если учесть, что Джеф часть проиграл, то при дележке с Луи еще осталась солидная сумма.

- Благодарю тебя.

- Что делать с банкнотами?

- Ты забрал их?

- На всякий случай.

Комиссар Мегрэ вернулся к Альберу Жорису, который закурил уже вторую сигарету.

- Вы видите, я не сбежал.

- Вижу.

Альбера одолевал сон. На щеках горел румянец, глаза слипались. Время от времени он дремал на стуле.

- А все же, возможно, когда-нибудь из тебя будет толк, - сказал Мегрэ.

Он услышал в коридоре женские и мужские шаги и догадался, что это пришли Люка с Моникой. Вся одежда на них была мокрая. Увидев Альбера, Моника бросила на комиссара гневный взгляд.

- Ты водил ее к врачу?

- Сначала она не хотела. Я...

- Результат?

Жорис поднялся и пристально глядел на Моника, словно собирался броситься в ноги и умолять о прощении.

- Ничего.

- Не беременна?

- Никогда и не была беременной.

Жорис не верил своим ушам и не знал, что делать.

Комиссар закрыл дверь и показал девушке на стул.

- Имеете что-нибудь сообщить?

- Я думала...

- Ничего подобного.

- Разве вы об этом что-нибудь знаете? Вы не женщина. - И, обратясь к Жорису, сказала:

- Клянусь тебе, Альбер, я действительно подумала, что у меня будет ребенок.

- С каких пор? - вмешался Мегрэ.

- Уже много дней.

- А потом?

- Потом я не хотела разочаровывать его.

- Разочаровывать?

Мегрэ с Люка удалились в соседнюю комнату. Они закрыли за собой дверь, оставив парочку наедине.

- Как только я сказал ей, что придется пойти к врачу, то сразу понял, что тут что-то кроется.

Она не согласилась.

Лишь когда я пригрозил арестовать ее и Альбера...

Мегрэ не слушал. Он подошел к двери и приложил ухо.

- Что они делают? - спросил Люка.

- Ничего.

- Разговаривают?

- Молчат.

После этого Мегрэ почти целый час ходил по комнатам и разговаривал с коллегами.

Когда вернулся снова к себе в кабинет, увидел, что Альбер и Моника даже не шевельнулись.

Сидели по-прежнему на своих местах в трех метрах друг от друга. Лицо девушки упрямое.

Сжатые челюсти делали ее похожей на мать и теток. Когда ее взгляд остановился на Альбере, то трудно было сказать, чего в нем больше - гордости или ненависти.

Жорис сидел угнетенный, с покрасневшими глазами.

- Вы свободны, - просто сказал Мегрэ, направляясь к своему креслу.

Моника тут же выбежала.

- Ты тоже свободен, - обратился Мегрэ к Жорису. - Что она тебе говорила?

- Назвала меня дураком.

- И все?

- Сказала, что запрещает мне обращаться к ней.

- Ну и что теперь?
- Ничего. Не знаю.
- Оставшись один в кабинете, Мегрэ наконец налил себе коньяку.

Глава 9

СУДЬЕ КОМЕЛЬО НЕ ТЕРПИТСЯ

- Это вы, Мегрэ?
- Да, судья.
- Это был ежедневный звонок.
- Как там с делом Туре?
- Подвигается вперед, подвигается.
- Вам не кажется, что оно слишком затянулось?
- Вы же понимаете, что распутать пьяные счета всегда тяжело.
- Вы верите тому, что рассказывает Шрамек?
- Я убежден, что он сказал правду.
- А кто же тогда убил Луи Туре?
- Тот, кому нужны были его деньги.
- Вы попытайтесь ускорить дело.
- Обещаю, судья.

Три человека, и среди них Жанвье и Лапуэнт, подменяя друг друга, днем и ночью следили за домом по улице Ангулем. Подслушивали разговоры по телефону.

Мегрэ уже больше не занимался ни мадам Туре, ни ее дочерью и молодым Альбером, который снова работал в книжном магазине.

Каждый день допрашивал Джефа.

Было холодно, но уже без дождя. Хозяйка дома на улице Ангулем не нашла новых квартирантов, и две комнаты пустовали. Три женщины, которые жили у нее, зная, что за домом наблюдают, не посмели заниматься своим ремеслом. Если и выходили на улицу, то лишь для того, чтобы пообедать в ближнем ресторане или купить колбасы.

Выездная бригада в Марселе искала владельца ножа.

Интересовались и определенными людьми, которые за последние месяцы переселились в Париж.

Однажды утром Мегрэ сообщили, что звонят из Марселя. Комиссар долго с кем-то разговаривал, потом ушел вверх в регистратуру и более часа просматривал карточки. Не меньше сидел и в архиве.

Было уже одиннадцать часов, когда Мегрэ сел в машину.

- На улицу Ангулем! - сказал он водителю.

Маленький Лапуэнт нес свою службу перед домом.

- Все дома?

- Только одна ушла. За ежедневными своими покупками.

- Какая?

- Ольга. Брюнетка.

Комиссар позвонил. Форточка приоткрылась. Хозяйка, шаркая тапочками, вышла открывать.

- Прошу! На этот раз великий шеф прибыл лично!

- Арлетта наверху?

- Позвать?

- Благодарю. Я пройду сам.

Обеспокоенная женщина осталась в коридоре; Мегрэ поднялся по ступенькам и постучал в дверь на втором этаже.

- Прошу, - послышался голос.

Девушка лежала на незастеленной кровати, читая бульварный роман.

- Это вы?

- Да, это я, - сказал Мегрэ, садясь.

Она была удивлена и, похоже, обрадована.

- Еще нет конца этому происшествию?

- Будет конец, когда найдем убийцу.

- Так вы его еще не нашли? Я полагала, что месье очень проворный и ловкий.

Не сходя с кровати, она пошевелилась, раскрывая полы халата. Поскольку Мегрэ этого подчеркнул не замечал, она спросила:

- Чего вы, собственно, от меня хотите?

- Ваши родители все еще убеждены, что вы работаете на аллее Матиньон?

- О чем вы говорите?

- Вы работали год у Элен, модистки на аллее Матиньон?

- Ну и что?

- Спрашиваю, знает ли ваш отец, что вы изменили место работы?

- Это вас очень беспокоит?

- Ваш отец порядочный человек.

- Старый болван.

- Если он узнает, что мадемуазель делает...

- Намереваетесь сообщить ему?

- Возможно.

На этот раз ей не удалось скрыть волнение.

- Вы были в Клермон-Ферране? Виделись с моим отцом?

- Еще нет...

- Чего месье хочет?

- Сами хорошо знаете.

- Нет. Я люблю, чтобы ставили точки над "i".

- Вы уже полгода здесь живете.

- Что дальше?

- Вы проводите дома большую часть дня и знаете, что здесь делается.

- Говорите дальше.

- Есть один человек, который ходил сюда постоянно, а после смерти месье Луи не появляется.

Зрачки у нее сразу сузились.

- Во всяком случае, он приходил не ко мне.

- А к кому?

- Вы должны знать об этом. Полагаю, будет лучше, если я оденусь.

- Почему?

- После этого разговора мне лучше здесь не появляться.

Она сняла халат, надела сорочку и открыла шкаф.

- Я знала, что это тем и кончится. Вы его арестовали?

- Еще нет.

- Вы знаете, кто он?

- Мне об этом скажет мадемуазель.

- Я вижу, вы очень уверены.

Комиссар вынул из бокового кармана фотокарточку тридцатилетнего мужчины со шрамом на левом виске.

Она бросила на нее взгляд, но ничего не сказала.

- Это он?

- Кажется, вы в этом убеждены.

- Я не ошибся?

- Где мне ждать, пока вы его арестуете?

- О вас побеспокоится один из моих инспекторов.

- Какой?

- Кого мадемуазель пожелает?

- Брюнета с буйной прической.

- Это инспектор Лапуэнт. - И вдруг спросил:

- Что мадемуазель известно про Марко?

- Это любовник хозяйки. Месье считает необходимым, чтобы я призналась именно тут?

- Где он?

Не отвечая на вопрос, она бросила свои вещи в большой чемодан, словно торопясь покинуть этот дом.

- Закончим разговор в другом месте.

А когда Мегрэ наклонился, чтобы взять чемодан, она сказала:

- Комиссар, однако, весьма любезен.

Мариэтта Жибон стояла на пороге, в глазах - беспокойство.

- Куда ты идешь? - спросила хозяйка.

- Туда, куда меня отведет комиссар.

- Вы ее арестовали?

Она смотрела вслед, а потом подошла к окну и открыла форточку.

Мегрэ поставил чемодан в машину и сказал Лапуэнту:

- Пришлю кого-нибудь, чтобы сменил тебя. Потом найдешь нас в пивной.

- Ладно, шеф.

Мегрэ не сел в машину, а отдал лишь какое-то распоряжение водителю.

- Пошли, - обратился он к Арлетте.

- В пивную?

- Да. Сначала туда.

Пивная была недалеко. Они сели за столик в глубине зала.

- Мне надо позвонить, - сказал Мегрэ. - Не в ваших интересах бежать.

- Понимаю.

Комиссар связался с набережной Орфевр и, вернувшись к столику, спросил:

- Где Марко?

- Не знаю. Когда месье пришел первый раз, хозяйка велела мне позвонить ему, чтобы он больше не звонил и не приходил к ней, пока она ему не сообщит.

- Когда мадемуазель выполнила ее поручение?

- Через полчаса после вашего отъезда. На бульваре Вольтера.

- Вы говорили с ним лично?

- Нет. Я позвонила официанту бара на улице Дуэ.

- Как его зовут?

- Феликс.

- А как называется бар?

- "Тузовый покер".

- С тех пор хозяйка не имела никаких сведений о нем?

- Нет. Она измучилась. Хорошо понимает, что он почти на двадцать лет моложе ее, и все представляет его в компании молодых девушек.

- Где он взял деньги?

- Не знаю. Он был тогда там.

- Когда?

- В понедельник, когда погиб месье Луи.

- В котором часу он пришел на улицу Ангулем?

- Около пяти. Они закрылись с хозяйкой в ее комнате.

- Хозяйка была в комнате Луи?

- Возможно. Я не обратила внимания. Он ушел примерно через час. Я слышала, как громохнула дверь.

- Хозяйка не пыталась переслать ему сообщение через кого-нибудь из вас?

- Она думала, что за нами следят.

Лапуэнт застал их за столиком в пивной. Смущаясь, он едва посмотрел на девушку. Арлетта же глядела на него внимательно и даже улыбалась ему.

- Сопроводи ее в какую-нибудь тихую гостиницу, возьми два смежных номера. Не отходи от нее, пока не дам тебе знать. Как только устроишься, сообщишь мне по телефону. Не надо далеко искать. Ты, безусловно, найдешь свободные комнаты в гостинице "Новейшая", здесь рядом. Хорошо было бы, чтобы она не общалась ни с кем и ела в своей комнате.

Арлетта ушла с Лапуэнтом...

Никто никогда так и не узнал, кто предупредил Феликса - официанта из бара на улице Дуэ, и он спрятался у своего приятеля. Там его и нашли лишь вечером на следующий день. Феликс признался, что знаком с Марко, и назвал его адрес.

Марко выехал из Парижа и остановился в Марселе, в одной гостинице для рыбаков. В ту пору он был единственным жильцом.

Когда там брали Марко, он успел дважды выстрелить, но ни в кого не попал. Банкноты, взятые у Луи Туре, он прятал в поясе, сшитом ему мадам Жибон.

- Это вы, Мегрэ?

- Да, я, судья.

- Как там дело Туре?

- Закончено. Найдены убийца и его сообщница.

- Кто же это такие?

- Хозяйка подозрительного заведения и ее любовник - опытный марсельский уголовник. Мой рапорт, судья, вы получите сегодня к вечеру.

Это было самое нудное дело. Мегрэ работал над рапортом все послеобеденное время.

Вечером, уже после ужина, он вспомнил про Арлетту и молодого Лапуэнта.

- Ах, черт возьми, я совсем забыл! - воскликнул он.

- Что-нибудь важное? - спросила жена.

- Не совсем. Но в такое время... Надо подождать до утра. Лучше исправить завтра утром. Утро вечера мудреней.

<http://book.zehinli.info>

1952г.